

На правах рукописи

ЮСУПОВА Татьяна Ивановна

**СОВЕТСКО-МОНГОЛЬСКОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:
ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ, РАЗВИТИЯ и ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ
(1921–1961 гг.)**

Специальность 07.00.10 – история науки и техники

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва

2016

Диссертационная работа выполнена в секторе истории Академии наук и научных учреждений Санкт-Петербургского филиала Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук

Научный консультант

Соболев Владимир Семенович доктор исторических наук, заведующий сектором истории Академии наук и научных учреждений, Санкт-Петербургский филиал ФГБУН Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

Официальные оппоненты:

Грайворонский Владимир Викторович доктор исторических наук, заведующий сектором Монголии, ФГБУН Институт востоковедения РАН

Жуковская Наталия Львовна доктор исторических наук, профессор, заведующая Центром азиатских и тихоокеанских исследований, ФГБУН Институт этнологии и антропологии РАН

Кузьмин Юрий Васильевич доктор исторических наук, профессор кафедры мировой экономики и международного бизнеса, ФГБОУ ВО Байкальский государственный университет

Ведущая организация: ФГБУН Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Защита диссертации состоится «10» ноября 2016 г. в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 002.051.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук при ФГБУН Институте истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН по адресу: 125315, Москва, ул. Балтийская, д. 14, комн. 46а.

С диссертацией можно ознакомиться в дирекции института (комн. 48) и на сайте ИИЕТ РАН: <http://www.ihst.ru>.

Отзывы в 2-х экземплярах, заверенные печатью учреждения, просим направлять ученому секретарю диссертационного совета по адресу: 109012, Москва, Старопанский пер., д. 1/5; тел. /факс: (495) 9882280.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2016 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат исторических наук

Е.В. Минина

Общая характеристика исследования

Актуальность исследования. Географическое соседство и давние исторические связи между Россией и Монголией определяют взаимный интерес и побуждают к сотрудничеству в различных сферах, в том числе к тесному научному взаимодействию. Научные контакты между странами установились в начале 1920-х гг. и продолжают активно развиваться в настоящее время. Главными участниками этого процесса продолжительное время оставались Академия наук СССР и Академия наук МНР¹ (до 1961 г. – ее предшественник – Комитет наук (Ученый комитет) МНР)².

Однако до сих пор монгольское направление остается несколько в тени взаимодействия Академии наук с другими странами, прежде всего европейскими. Во многом это связано с имеющим место стереотипом восприятия научного сотрудничества с Комитетом наук (Ученым комитетом) как преимущественно одностороннего вклада в этот процесс советских ученых и убеждением в превалировании его внешнеполитической значимости над содержательной стороной. Несомненно, советские ученые сыграли важную роль в развитии науки и исследовательских институтов в Монголии. В то же время Монголия, ее природно-географические особенности, население и история представляли большой интерес для отечественных ученых. Сотрудничество с Комитетом наук (Ученым комитетом) дало им возможность реализовать свои личные исследовательские программы, результаты которых внесли существенный вклад в развитие целого ряда естественнонаучных и гуманитарных направлений и ознаменовались крупными успехами советской науки.

В настоящее время складывается тенденция активного развития межгосударственных отношений России и Монголии после их некоторого охлаждения в конце XX – начале XXI в. на волне кардинальных перемен в политических и экономических системах двух стран. Вследствие этого наблюдается расширение и научных связей, увеличение числа их участников и дисциплинарных направлений. В условиях новых коммуникативных возможностей ведущих российских и монгольских научных учреждений осмысление истории сотрудничества Академии наук СССР и Академии наук МНР в период, когда формировались принципы и характер их взаимодействия, а также его анализ в широком социально-историческом контексте

---

¹ МНР – Монгольская Народная Республика.

² В хронологических рамках исследования высшее научное учреждение МНР называлось (в принятом в литературе переводе на русский язык): Ученый комитет (1921–1930), Комитет наук (1930–1957), Комитет наук и высшего образования (1957–1961) МНР. В 1961 г. на его базе была создана Академия наук МНР (с 1992 г. – Монгольская академия наук).

становятся особенно актуальными. Этот исторический опыт может быть полезен и важен для продолжения существующих и выстраивания новых конфигураций научных контактов между Россией и Монголией.

Степень разработанности темы исследования. Российско/советско-монгольскому научному взаимодействию уже более девяноста лет. Однако, как показал анализ опубликованных материалов, история монгольского направления международного сотрудничества Академии наук СССР, в отличие от научных контактов с европейскими странами, не являлась предметом самостоятельного детального исследования. Не уделялось должного внимания научным связям и в литературе по истории межгосударственных отношений СССР и Монголии. В небольшом количестве исторических трудов, рассматривающих этот вопрос, в разной степени разработки нашли отражение только некоторые проблемы советско-монгольского научного сотрудничества, как правило, затрагивающие период после образования в 1961 г. Академии наук МНР. По теме диссертационного исследования первую историографическую группу составляют работы по истории Академии наук СССР и ее взаимодействию с высшим научным учреждением МНР. Для рассмотрения процесса формирования исследовательского интереса к Монголии в отдельную подгруппу выделены работы по истории отечественного монголоведения и его институционализации в системе Академии наук. К ним относятся труды и путевые заметки участников академических экспедиций XVIII в.³, деятельность которых проходила на приграничных с Монголией территориях, а также сотрудников Российской духовной миссии в Пекине. В этих публикациях содержатся первые описания географических особенностей Монголии, ее природы, истории, этнографии и языков монгольских народов⁴. Монгольская тематика во второй половине XIX в. была продолжена в изданиях Русского географического общества (РГО). В отчеты руководителей знаменитых центральноазиатских экспедиций РГО⁵ включены

---

³ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1–3. М.: Восточная лит-ра, 1999–2005. 598 с.; [*Фишер И.Е.*] Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1774; *Gmelin J.G.* Expedition ins unbekannte Sibirien. Jan Thorbecke Verlag, Sigmaringen, 1999; *Pallas P.S.* Sammlungen Historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. Bd. 1. SPb., 1776; Bd. 2. SPb., 1801.

⁴ См., напр.: *Тимковский Е.Ф.* Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 гг. Ч. 1–3. СПб.: Тип. Медич. департамента мин. внутр. дел, 1824; *Бичурин Н.Я. (Иакинф).* Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом. Тт. 1–2. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1828; *Палладий, архимандрит.* Дорожные заметки на пути по Монголии в 1847 и 1859 гг. // Записки ИРГО по общей географии. Т. XXII. № 1. СПб., 1892.

⁵ *Пржевальский Н.М.* Монголия и страна тангутов. Трехлетнее путешествие в восточной Нагорной Азии. Т. 1–2. СПб., 1875–1876; *Певцов М.В.* Очерк путешествия по Монголии и северным провинциям Внутреннего Китая / Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. Омск, 1883. Кн. 5. 355 с.; *Потанин Г.Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 гг. по поручению РГО. Т. 1–4. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1881–1883; *Козлов П.К.* Монголия и Кам. Труды экспедиции ИРГО,

разносторонние сведения о Монголии и ее народах. Собранные в XVIII–XIX вв. исторические материалы, естественнонаучные, археологические и этнографические коллекции создали базу для развития монголоведения в Академии наук.

Среди публикаций по дисциплинарной истории следует выделить монографию Д.Б. Улымжиева и коллективный труд «История отечественного востоковедения»⁶, в которых авторы рассматривают монголоведение в аспекте общей истории российского востоковедения и показывают его развитие в контексте внешнеполитических, практических и идеологических потребностей государства. Дополняет эти исследования обстоятельная статья И.И. Иориш, где освещены основные события, персоналии, научная проблематика академического монголоведения с момента создания Академии наук⁷.

В литературе по истории Академии наук в первой трети XX в. взаимодействие с Комитетом наук (Ученым комитетом) МНР подробно не рассматривается. Как правило, оно упоминается только как одно из направлений ее международных контактов⁸ и кратко отмечается его результативность и плодотворность в изучении природных ресурсов Монголии, истории и культуры ее народов⁹. При этом само сотрудничество определяется как пример «международных научных отношений нового типа»¹⁰, под которыми подразумевается оказание помощи монгольскому Комитету наук (Ученому комитету) в изучении страны. В книгах по истории организации советской науки в качестве примера новой формы координации контактов советских ученых с зарубежными партнерами отмечается факт создания в 1925 г. Комиссии СНК СССР по научному исследованию Монголии, а в 1927 г. – Монгольской комиссии АН, однако ее деятельность не рассматривается¹¹. Указанные работы позволяют в целом оценить место и значимость

совершенной в 1899–1901 гг. Т. 1. Ч. 1, 2. СПб.: Тип. «Герольд», 1905–1906; *Грум-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 1. Описание природы этих стран. СПб., 1914.

⁶ *Улымжиев Д.Б.* Монголоведение в России во второй половине XIX – первой половине XX в.: петербургская школа монголоведов. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 1997. 216 с.; Монголоведение // История отечественного востоковедения до середины XIX в. / Отв. ред. Г.Ф. Ким, П.М. Шаститко. М.: Наука, 1990. С. 275–284; Монголоведение // История отечественного востоковедения с середины XIX в. до 1917 г. / Ред. кол-я: А.А. Вигасин, А.Н. Хохлов, П.М. Шаститко. М.: Наука, 1997. С. 534–391.

⁷ *Иориш И.И.* Монголоведение // Азиатский музей – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР / Ред. кол-я А.П. Базиянц, Д.Е. Бертельс и др. М.: Глав. ред. восточ. лит-ры, 1972. С. 209–234.

⁸ *Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семенов Л.К.* Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. М.: Наука, 1974. С. 404; *Материалы к истории Академии наук СССР (1917–1947) / Под ред. С.И. Вавилова.* М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 38, 41, 49, 84, 90, 111, 331; *Летопись РАН. 1901–1934.* Т. 4. СПб.: Наука, 2007. С. 502, 504, 543, 572, 587 и далее.

⁹ *Кольцов А.В.* Развитие Академии наук как высшего научного учреждения СССР. 1926–1932 гг. Л.: Наука, 1982. С. 132–133; *Он же.* Ленинградские учреждения Академии наук СССР в 1934–1945 гг. Л.: Наука, 1997. С. 73.

¹⁰ *Иоффе А.Е.* Интернациональные, научные и культурные связи Советского Союза. 1928–1932. М.: Наука, 1969. С. 135.

¹¹ *Есаков В.Д.* Советская наука в годы первой пятилетки. Основные направления государственного руководства наукой. М.: Наука, 1971. С. 210.

монгольского направления в структуре международных связей Академии наук в этот период.

К истории сотрудничества Академии наук с монгольским Комитетом наук (Ученым комитетом) первыми обратились советские ученые, которые продолжительное время работали в Монголии, и сами были его непосредственными участниками. В обзорных статьях А.Д. Симукова, Э.М. Мурзаева, Н.П. Шастиной, опубликованных в период с 1929 по 1952 г.¹², нашли отражение задачи, тематика и результаты проведенных совместных работ. Ряд аспектов послевоенного советско-монгольского научного сотрудничества затронуты в статьях американского монголоведа Дж. Мэрфи, посвященных публикациям итогов Монгольской сельскохозяйственной экспедиции (1947–1951)¹³. Автор, отмечая ее значительные успехи в решении проблем повышения качества монгольского животноводства, в то же время обращает внимание на идеологическую составляющую в планировании исследований, их преимущественную ориентацию на выполнение решений Монгольской народно-революционной партии (МНРП).

Более детальное изучение советско-монгольского научного взаимодействия отечественные исследователи начали в конце 1970-х гг. Внимание к этой теме было связано с первыми юбилейными датами в истории Академии наук МНР. В сборниках, посвященных научным и культурным связям СССР и МНР, публикациях Р.Л. Балдаева и Ш.Б. Чимитдоржиева в соответствии с нормами и оценками советской историографии показаны основные события сотрудничества советских ученых с Комитетом наук (Ученым комитетом), ключевые исследования и их главные результаты¹⁴. Непосредственно взаимодействие академий наук двух стран, его нормативную базу и содержание межакадемических договоров в 1960–1980-х гг., а также достижения совместных советско-монгольских экспедиций, организованных в эти годы, подробно

---

¹² Симуков А.Д. Роль СССР в деле исследования Монголии // Хозяйство Монголии. 1929. № 5. С. 43–52; Шастина Н.П. История изучения Монгольской Народной Республики // Монгольская Народная Республика / Отв. ред. И.Я. Златкин. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 15–55; Мурзаев Э.М. Наука в Монгольской Народной Республике // Труды Московского института востоковедения. Сб. № 5. М.: МИВ, 1947. С. 313–326.

¹³ Murphy G. Recent Publications of the Mongolian Commission // Far Eastern Survey. 1956. Vol. 25. № 6 (June). P. 91–95; Он же. [Rev.:] Zhivotnovodstvo Mongolskoi Narodnoi Respubliki // Pacific Affairs. 1956. Vol. 29. № 1 (March). P. 80–82.

¹⁴ Балдаев Р.Л. К вопросу о сотрудничестве СССР и МНР в области науки (1921–1940) // Культурные и научные связи между СССР и МНР. М., 1981. С. 19–43; Балдаев Р.Л., Чимитдоржиев Ш.Б. Сотрудничество СССР и МНР в области науки на социалистическом этапе развития МНР // Там же. С. 132–160; Чимитдоржиев Ш.Б. Сотрудничество ученых СССР и МНР // Проблемы Дальнего Востока. 1978. № 2. С. 175–180; Малакшанов К.Л. Развитие интеграционных связей в области науки между МНР и странами социалистического содружества // Страны Востока: проблемы социально-экономического и политического развития. Тезисы докладов региональной конференции. Иркутск, 1982. С. 18–21.

рассмотрели И.Н. Киселев¹⁵ и И.А. Суринов¹⁶. По дисциплинарной истории сотрудничества следует отметить труды Э.М. Мурзаева и Н.А. Маринова¹⁷, в которых дан обстоятельный обзор географических и геологических работ в Монголии, показан вклад советских специалистов в географическое изучение страны и развитие монгольской геологической науки.

Необходимо отметить, что в работах, изданных до начала 1990-х гг., авторы не ставили своей задачей анализ контекста научного взаимодействия. К его изучению обратились только в конце 1990-х гг. Формированию общих представлений о влиянии политических, идеологических и социальных условий на деятельность Академии наук, необходимых для раскрытия заявленной темы диссертации, послужили исследования в жанре социальной истории науки. Среди них следует отметить коллективные монографии Санкт-Петербургского филиала ИИЕТ РАН¹⁸, а также публикации Л. Грэхэма, Н.Л. Кременцова, А.Б. Кожевникова, С.С. Илизарова и других авторов¹⁹. Эти работы способствовали отходу от старых схем и оценочных суждений советской историографии при разработке проблем советско-монгольского научного сотрудничества. Так, в частности, с учетом влияния внешних факторов проанализирована история создания и деятельности Монгольской комиссии АН (1927–1953)²⁰ в монографии диссертанта и в ряде статей В.В. Митина²¹. Этот же подход использован авторами сборника «Монгольско-

---

¹⁵ Киселев И.Н. Советско-монгольское научное сотрудничество (на примере АН СССР и АН МНР) // 50 лет Народной революции в Монголии. М., 1971. С. 163–179; *Он же*. Сотрудничество с Академией наук МНР // Сотрудничество АН СССР с Академиями наук стран – членов СЭВ. 1957–1967. М., 1974.

¹⁶ Суринов И.А. Сотрудничество Академии наук СССР и Академии наук МНР // Вестник АН СССР. 1981. № 6. С. 74–81.

¹⁷ Мурзаев Э.М. Географические исследования Монгольской Народной Республики. М.; Л.: Географгиз, 1948; Маринов Н.А. Роль русских и советских геологов в изучении геологии и полезных ископаемых Монголии. М.: Недра, 1981. 199 с.

¹⁸ Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / Ред.-сост. Э.И. Колчинский. СПб.: Наука, 2003. 1039 с.; Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII–XX веках / Гл. ред. Ж.И. Алферов. СПб.: Наука, 2003. 605 с.

¹⁹ Graham L. Science in Russia and Soviet Union. A Short History. Cambridge University Press, 1993. 128 p.; Kremensov N. Stalinist Science. Princeton University Press, 1997. 371 p.; Kojevnikov A. The Phenomenon of Soviet Science // Osiris. 2008. № 23. P. 115–135; Илизаров С.С. Отдел науки ЦК ВКП(б) – КПСС: первое десятилетие // Архив истории науки и техники. Вып. III. М.: Наука, 2007. С. 82–112; Соболев В.С. Академия и власть (1918–1930) // Вестник РАН. 1998. Т. 68. № 2. С. 176–182; Чумакова Т.В. Комиссия по истории Академии наук (1938–1953): ее истоки и научная деятельность // Вопросы истории естествознания и техники. 2013. № 3. С. 27–43. Подробная библиография по этой проблеме приведена в сборнике: Наука и кризисы. СПб., 2003.

²⁰ Юсупова Т.И. Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности: 1925–1953. СПб.: Нестор-История, 2006. 280 с.

²¹ Митин В.В. Географические исследования в послевоенных планах Монгольской комиссии АН СССР // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2002. М.: Диполь-Т, 2002. С. 442–444; *Он же*. Экономические исследования в деятельности Монгольской комиссии АН СССР // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2003. М.: Диполь-Т, 2003. С. 193–195; *Он же*. Наука и политика: советские ученые в Монголии в 1920–1930-е гг. // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. 2008. № 5. С. 34–40.

российское научное сотрудничество»²², подготовленного диссертантом вместе с коллегами из Института истории Монгольской академии наук.

Во вторую историографическую группу выделена литература, освещающая деятельность Комитета наук (Ученого комитета) МНР. Следует сказать, что в отечественной историографии отсутствуют работы по истории Академии наук Монголии. В этой связи большое значение имеют исследования монгольских авторов. Здесь, прежде всего, необходимо отметить исторический обзор деятельности Академии наук МНР и событий, предшествовавших ее созданию, сделанный ее первым президентом – академиком Б. Ширендыбом, и коллективную монографию «История Академии наук Монголии»²³. В этих работах уделено внимание основным моментам создания высшего монгольского научного учреждения и установления сотрудничества с Академией наук СССР, его участникам, нормативной базе, результатам за 20 лет (Б. Ширендыб) и 40 лет (Академийн түүх). К этой же группе литературы относятся труды о руководителях науки в Монголии. Особую ценность для данной диссертационной работы имеют публикации о Ж.Ц. Жамцарано – ученом секретаре Ученого комитета в 1921–1930 гг. Российские и западные исследователи высоко оценивают Ц.Ж. Жамцарано как одного из крупнейших монголоведов и одновременно отдают должное его общественной, политической и научно-организационной работе²⁴. Новый взгляд на деятельность другого организатора монгольской науки – председателя Комитета наук в 1932–1940 гг. Л. Дэндэва, представлен в работах С. Чулууна²⁵. На материалах монгольских архивов он показал его роль в развитии Комитета наук как научного института и сохранении исторических и культурных ценностей в трагические годы политических репрессий в стране.

---

²² Монгольско-российское научное сотрудничество: от Ученого комитета до Академии наук / Ред.-сост.: С. Чулуун, Т. Юсупова. Улан-Батор: Адмон, 2012. 180 с.

²³ Ширендыб Б. Краткий очерк истории Академии наук МНР. Улан-Батор: Правительственная типография, 1981. 114 с.; Сэрээтэр Ч., Цэрэв Х., Чадраа Б. Монгол улсын шинжлэх ухааны Академийн түүх. Улаанбаатар, 2002. 285 с.

²⁴ Улымжиев Д.Б., Цыцегма Ж. Цыбен Жамцарано: научная, просветительская и общественно-политическая деятельность в Монголии (1911–1931). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 1999. 168 с.; Решетов А.М. Наука и политика в судьбе Ц.Ж. Жамцарано // Orient. Альманах. Вып. 2–3. СПб.: Утпала, 1998. С. 5–55; Цыбен Жамцарано: жизнь и деятельность: Докл. и тез. науч. конф., посвященной 110-летию выдающегося ученого, общественного и научного деятеля бурят-монгольского и халха-монгольского народов Цыбена Жамцарановича Жамцарано. Улан-Удэ: БНЦ СО АН СССР, 1991. 192 с.; Жамсраны Цэвээн (1880–1942). Бүтээл туурвил / Отв. ред. Ш. Бира. Улаанбаатар, 2010; Юсупова Т.И. Ц.Ж. Жамцарано – ученый секретарь Ученого комитета Монголии // Вопросы истории естествознания и техники. 2011. № 4. С. 189–202; Гольман М.И. Ц.Ж. Жамцарано глазами западных монголоведов // Цыбен Жамцарано: жизнь и деятельность. Доклады и тезисы научной конференции, посвященной 110-летию Ц.Ж. Жамцарано. Улан-Удэ, 1991. С. 81–83; Ripen A. Cyben Zamcaranovic Zamcarano (1880–1940) // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1956. Vol. 19. № 1/2. P. 126–144; Poppe N. Introduction to Altaic Linguistics. Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1965. P. 87.

²⁵ Чулуун С. Лхамсурен Дэндэв и Комитет наук (1942–1940): от государственной службы к служению науке // Монгольско-российское научное сотрудничество: от Ученого комитета до Академии наук. Улаанбаатар: Адмон, 2012. С. 50–63.

Весьма ценная информация, способствующая пониманию специфики функционирования Комитета наук (Ученого комитета) в государственной системе МНР содержится в публикациях советских ученых, много лет проработавших в Монголии, и в книгах и статьях зарубежных исследователей, которые контактировали с Комитетом наук (Ученым комитетом) во время пребывания в Улан-Баторе²⁶.

Интерес западных монголоведов к деятельности первого научного учреждения Монголии не выделялся в отдельное исследование. Этот вопрос затрагивался, как правило, в рамках общих проблем истории Монголии. Так, подробные сведения и статистические данные о работе Комитета наук (Ученого комитета), его персональном составе и основной деятельности приведены в книге Р. Рупена «Монголия в XX веке»²⁷. Одним из самых изученных сюжетов контактов Ученого комитета МНР с западноевропейскими научными учреждениями является история поездки монгольской молодежи для обучения в Германию и Францию в 1926–1929 гг. Детальное изучение этой «образовательной авантюры» провел С. Вольф²⁸. В своей статье он подробно описал пребывание монгольских школьников и студентов в Европе, трудности, с которыми они столкнулись в новой для них культурной среде, реакцию европейского сообщества на их приезд, проследил судьбу всех учащихся. Вернувшиеся после обучения на родину молодые монголы в дальнейшем сыграли видную роль в деятельности образовательных и научных учреждений страны.

Третью группу литературы составляют исследования по истории Монголии в XX в. и советско-монгольских отношений. Большое значение для выявления особенностей и общих тенденций в межгосударственном взаимодействии имели коллективные монографии «История советско-монгольских отношений» (1981), «История Монгольской

---

²⁶ Симуков А.Д. Труды о Монголии и для Монголии. Т. 1–3. Осака, 2007–2008; Жизнь и научная деятельность С.А. Кондратьева (1896–1970) в Монголии и для Монголии / Сост. И.В. Кульганек, В.Ю. Жуков. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 404 с.; Мурзаев Э.М. Александр Николаевич Формозов // В сердце Азии. М.: Наука, 1990. С. 134–157; Он же. Иван Ефремович Ефремов // Там же. С. 48–57; Калинина А.В. Научная и педагогическая деятельность А.А. Юнатова в Монголии // Ботанический журнал. 1968. Т. 53. № 10. С. 1501–1503; Карамышева З.В. Александр Афанасьевич Юнатов и его работы в Монголии // Растительность России. СПб., 2009. № 15. С. 97–112; Алтатов В.М. Николай-Николаас Поппе. Восточная лит-ра, 1996. 144 с.; Среди людей и птиц: орнитолог и путешественница Е.В. Козлова (1892–1975) / Сост. А.И. Андреев, Т.Ю. Гнатюк. СПб.: Нестор-История, 2007. 134 с.; Яцковская К.Н. Наш учитель Эдуард Макарович Мурзаев (1908–1998) // *Mongolica*–IX. 2010. С. 127–135; Ефремов И.А. Дорога ветров (гобийские заметки). Изд. 2-е. М.: Географгиз, 1962. 384; Перух Ю.Н. По тропам Срединной Азии. Самара: Изд-во «Агни», 1994. 480 с.; Andrews R.Ch. The New Conquest of Central Asia. New York: The American Museum of Natural History in New York, 1932. 433 p.; Haenish E. Die Mongolei – Bilder aus alter und neuer Zeit // Der Orient in Deutscher Forschung. Vorträge der Berliner Orientalistentagung, Herbst, 1942. Leipzig: O. Harrassowitz, 1944. S. 126–136.

²⁷ Rupen R. *Mongols of the Twentieth Century*. Part I. Bloomington: Indiana University Publications, 1964. P. 204–207, 221, 285–289 и др.

²⁸ Wolff S. *Mongolian Educational Venture in Western Europe (1926–1929)* // *The Mongolian Society Bulletin*. 1970. № 9 (2). P. 40–100.

Народной Республики» (1983)²⁹, а также «История Монголии. XX век» (2007)³⁰. В этих трудах общая оценка контактов Академии наук и Комитета наук (Ученого комитета) представлена в рамках развития и укрепления культурных и научных связей СССР и МНР.

Результаты смены ориентиров и переосмысления исторического развития Монголии и советско-монгольских отношений нашли свое отражение в монографиях Б.В. Базарова, Е.А. Белова, В.В. Грайворонского, Е.М. Даревской, Н.Е. Единарховой, Ю.В. Кузьмина, Е.И. Лиштованного, И.Ю. Морозовой, Ш.Б. Чимитдоржиева, Г.С. Яскиной и др.³¹ и в подготовленных совместно с монгольскими учеными сборниках³². Для проведенного диссертационного исследования особо значимыми явились книги С.К. Рощина и С.Г. Лузянина³³. Новые концепции в интерпретации событий внутри (С.К. Рощин) и вокруг (С.Г. Лузянин) Монголии базируются в этих трудах на детальной проработке большого массива ранее закрытых архивных материалов. Эти работы значительно дополняют общую картину формирования внутривосточного и международного положения Монголии в изучаемый период, показывают степень ее значимости во внешней политике СССР на Дальнем Востоке и роль СССР (позитивную и негативную) в политическом и экономическом развитии соседней страны.

Для более полного и всестороннего представления исторических процессов в Монголии в хронологических рамках данного исследования привлекались работы зарубежных авторов. Прежде всего, это труды англо-американских исследователей

---

²⁹ История Монгольской Народной Республики. Изд. 3-е, перераб. и доп. / Глав. ред.: Б.Д. Греков, Б. Ширендыб и др. М.: Гл. ред-я восточ. лит-ры, 1983. 660 с.; История советско-монгольских отношений / Глав. ред. Б.Г. Гафуров, Б. Ширендыб. М.: Гл. ред-я восточ. лит-ры, 1981. 352 с.

³⁰ История Монголии. XX век / Отв. ред. Г.С. Яскина. М.: ИВ РАН, 2007. 448 с.

³¹ *Базаров Б.В.* Монголо-российские отношения на современном этапе: К проблеме регионального взаимодействия во Внутренней Азии. Улан-Удэ, 2005. 101 с.; *Грайворонский В.В.* Реформы в социальной сфере современной Монголии. М.: ИВ РАН, 2007. 254 с.; *Даревская Е.М.* Сибирь и Монголия. Очерки русско-монгольских связей в конце XIX – начале XX веков. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1994. 397 с.; *Единархова Н.Е.* Русские в Монголии: основные этапы и формы экономической деятельности (1861–1921 гг.). Иркутск: Отгиск, 2003. 250 с.; *Кузьмин Ю.В.* Монголия и «монгольский вопрос» в общественно-политической жизни России (конец XIX – 30-е годы XX в.). Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1997. 232 с.; *Лиштованный Е.И.* Исторические взаимоотношения Сибири и Монголии: культура и общество (XIX в.–30-е гг. XX в.). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1998. 173 с.; *Чимитдоржиев Ш.Б.* Россия и Монголия. М.: Наука, 1987. 233 с.; *Белов Е.А.* Россия и Монголия (1911–1919 гг.). М.: ИВ РАН, 1999. 235 с.; *Яскина Г.С.* Монголия: смена модели общественного развития: политические и экономические реформы. М.: Наука, 1994. 363 с.; *Она же.* Монголия и внешний мир. М.: ИВ РАН, 2002. 363 с.; *Morozova I.* Socialist Revolutions in Asia: The Social History of Mongolia in the 20th Century. London; New York: Routledge, 2009. 172 p.

³² Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. М.: ИВ РАН, 2001. 276 с.; Новые подходы к истории взаимоотношений России и Монголии и их современное состояние. Материалы международного круглого стола. Улан-Батор, 2008; Вторая мировая война и Монголия. Улан-Батор: Изд-во «Бэмби сан», 2005. 140 с.

³³ *Рощин С.К.* Политическая история Монголии (1921–1940 гг.). М.: ИВ РАН, 1999. 327 с.; *Лузянин С.Г.* Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2000. 268 с.

О. Латтимора, Р. Рупена, Ч. Боудэна, Дж. Мэрфи, А. Кампи и немецкого монголоведа У. Баркмана³⁴, без которых сегодня невозможно обращение к вопросам государственного строительства в Монголии в первой половине XX в. и ее внешней политики. В публикациях этих авторов представлен отличный от советской историографии взгляд на политическую историю Монголии, ее социальное и экономическое развитие, проблемы советско-монгольских отношений. Эти работы являются важными историографическими компонентами для понимания восприятия Монголии международным сообществом и объективной оценки советско-монгольских отношений, значимой частью которых являлось взаимодействие Академии наук СССР и Комитета наук (Ученого комитета) МНР. Для характеристики международного статуса МНР О. Латтимор ввел понятие «сателлизма», под которым понимается форма выживания малой нации, чья территория служит буфером между двумя великими державами. Именно сателлизм, по мнению американского ученого, лежал в основе советско-монгольских отношений³⁵. Это определение прочно вошло в западную монголоведную литературу, хотя сам автор позднее внес коррективы в его использование для Монголии, полагая, что это понятие не является однозначно приемлемым для страны³⁶. Уже в перестроечное время монгольский историк и дипломат Б. Баабар использовал определение МНР как «марионеточной республики» («Puppet Republic»)³⁷. Хотя его книга носит весьма тенденциозный характер, она отражает появившийся в монгольской историографии критический подход к основной массе идеологически ангажированных «историй» Монголии, написанных в годы строительства социализма. В приведенных публикациях информация о развитии науки в Монголии, ее научных учреждениях крайне скупа, однако изложение исторических событий с использованием отличных от советской историографии исследовательских подходов и архивных материалов из западных хранилищ позволяют воссоздать

---

³⁴ *Lattimore O.* Nomads and Commissars. Mongolia Revisited. New York: Oxford University Press, 1962. 238 p.; *Rupen R.* Mongols of the Twentieth Century. Part I. Indiana University, Bloomington, 1964. 510 p.; *Bawden Ch.* The Modern History of Mongolia. New York, 1968. Bpl. Routledge L., 1989. 615 p.; *Murphy G.G.* Soviet Mongolia: a study of the oldest political satellite. Berkeley: University of California Press, 1966. 210 p.; *Campi A., Baasan R.* The Impact of China and Russia on United States-Mongolian Political Relations in the Twentieth Century. The Edwin Mellen Press, 2009. 572 p.; *Barkmann U.* Geschichte der Mongolei oder die Mongolische Frage: die Mongolen auf ihrem Weg zum eigenen Nationalstaat. Bonn: Bouvier Verlag, 1999. 422 s. Ретроспективный анализ монголоведных исследований и публикаций по этой тематике в зарубежных странах представлен в трудах М.И. Гольмана: *Гольман М.И.* Изучение истории Монголии на Западе. XIII – середина XX в. М.: ИВ АН СССР, 1988. 218 с.; *Он же.* Монголоведение на Западе (центры, кадры, общества). 50-е гг. – начало 90-х гг. XX в. М.: ИВ РАН, 2004. 333 с.; *Он же.* Современная Монголия в оценках западных авторов. М.: ИВ РАН, 2009. 192 с.

³⁵ *Lattimore O.* Nationalism and Revolution in Mongolia. New York: Oxford University Press, 1955. P. 42.

³⁶ *Lattimore O.* Nomads and Commissars. Mongolia Revisited. New York: Oxford University Press, 1962. P. 155–169.

³⁷ *Baabar B.* From World Power to Soviet Satellite: History of Mongolia. Cambridge: White Horse press, 1999. 448 p.

необходимые для изучения проблем развития советско-монгольского научного сотрудничества контексты.

Таким образом, проведенный анализ публикаций показывает, что в настоящее время многие вопросы истории советско-монгольского научного сотрудничества как части истории РАН и российско-монгольских межгосударственных отношений остаются еще недостаточно или совершенно не разработанными, как в отечественной, так и в зарубежной литературе. В первую очередь это касается изучения становления, развития и основных результатов сотрудничества Академии наук СССР и Комитета наук (Ученого комитета) МНР в период до образования Академии наук МНР в 1961 г., выявления его специфики и особенностей, анализа контекста. Создание такого обобщающего труда является важным для понимания последующих событий в научном взаимодействии СССР и МНР, России и Монголии и перспектив его дальнейшего развития. Данное диссертационное исследование предполагает восполнить существующую лакуну в истории российско-монгольских научных связей.

Объектом диссертационного исследования является научное сотрудничество Академии наук СССР и Комитета наук (Ученого комитета) МНР, рассматриваемое в историческом, политическом и социально-экономическом контексте.

Предметом исследования служат цели, задачи, содержание и организационные формы научного сотрудничества Академии наук СССР и Комитета наук (Ученого комитета) МНР, его нормативно-правовая база и основные результаты.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1921 по 1961 г. Его начало связано с моментом создания первого научно-исследовательского учреждения Монголии – Ученого комитета (с 1930 г. – Комитет наук МНР). В этот период советско-монгольское научное сотрудничество в системе Академии наук СССР организационно было обособлено от других направлений ее международных научных связей. Другая крайняя дата определяется годом образования на базе Комитета наук Академии наук МНР. Она вошла в число международных партнеров Академии наук СССР, наряду с другими академиями наук стран социалистического содружества, сотрудничество с которыми осуществлялось уже в рамках общеакадемической структуры.

Логика проведенного исследования потребовала выхода за указанные хронологические рамки для краткого анализа истории изучения Монголии в Академии наук в XVIII – начале XX в. и освещения политических событий в Монголии, приведших к подписанию в ноябре 1921 г. советско-монгольского договора об установлении дружеских отношений.

Территориальные рамки исследования ограничиваются границами двух стран – участниц рассматриваемого научного сотрудничества: Монгольской Народной Республики, МНР (в 1921–1924 и с 1992 – Государство Монголия) и СССР.

Основной целью данной работы является создание обобщающего труда по истории научного сотрудничества Академии наук СССР и Комитета наук (Ученого комитета) МНР на основе всестороннего изучения его установления и развития с учетом социально-политических, экономических и идеологических условий, выявления главных результатов этого сотрудничества и их научно-прикладного значения.

Поставленная цель определила следующие основные взаимосвязанные **задачи исследования:**

- выявить и проанализировать архивные и опубликованные материалы по истории изучения Монголии Академией наук, осветить процесс формирования монгольских коллекций в академических учреждениях, определить научные направления и круг специалистов, осуществлявших исследование Монголии;
- проанализировать политические и научно-организационные причины установления взаимодействия Академии наук СССР и Ученого комитета МНР; выявить персональный вклад руководителей РАН/АН СССР и Ученого комитета МНР в дело организации сотрудничества и определение его конфигураций;
- рассмотреть деятельность Монгольской комиссии АН СССР и ее особенности как академического учреждения по координации сотрудничества Академии наук СССР и Комитета наук (Ученого комитета) МНР, его характер, формы и научные направления;
- изучить и дать оценку существовавшей нормативно-правовой базы сотрудничества Академии наук СССР и Комитета наук (Ученого комитета) МНР;
- рассмотреть влияние, которое оказывали социально-экономические и политические условия и процесс государственного администрирования деятельности Академии наук СССР и Комитета наук МНР на содержание исследовательских программ и интенсивность сотрудничества;
- показать значение вклада советских ученых в изучение Монголии и развитие ряда научных направлений в Комитете наук МНР, в подготовку национальных научных кадров;
- определить основные результаты советско-монгольского сотрудничества, показать их теоретическое и научно-практическое значение.

Источниковой базой настоящего диссертационного исследования стала совокупность опубликованных и неопубликованных документов, созданных в результате деятельности органов государственной власти и управления, АН СССР, Комитета наук (Ученого комитета) МНР и ряда других научных учреждений. В соответствии с задачами данной диссертационной работы история советско-монгольского научного сотрудничества в 1921–1961 гг. рассматривалась, с одной стороны, в рамках истории АН СССР и ее международной деятельности, а с другой – в рамках развития советско-монгольских межгосударственных отношений. Такой подход потребовал изучения и анализа большого массива материалов государственных и ведомственных архивов, где отложились документы по работе Академии наук СССР и контролировавших ее деятельность государственных учреждений. В ходе диссертационного исследования были изучены документальные материалы, хранящиеся в Государственном архиве РФ (ГАРФ), Российском государственном архиве экономики (РГАЭ), Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), Архиве внешней политики РФ (АВП РФ), Архиве РАН и его Санкт-Петербургского филиала (СПФ АРАН), Архиве Русского географического общества (Архив РГО), архивах ряда академических учреждений. Большое значение для проведенного исследования имели архивные материалы из Национального центрального архива (НЦА) Монголии в Улан-Баторе. Эти документы способствовали освещению деятельности и роли Комитета наук (Ученого комитета) МНР в советско-монгольском научном сотрудничестве.

Совокупность использованных в диссертационной работе исторических источников можно условно подразделить на следующие основные группы: 1) официальные и нормативно-правовые документы; 2) научно-организационная документация (планы работ, объяснительные записки к ним, заявки на экспедиционные исследования, обоснование научных проектов, отчеты и др.); 3) делопроизводственная документация, в том числе служебная переписка; 4) материалы из личных фондов ученых, исследовательская или организационная деятельность которых была связана с Монголией.

При изучении истории советско-монгольского научного сотрудничества как части истории АН СССР большое значение имели материалы ГАРФ (Ф. 5446. Оп. 37; Ф. 8429. Оп. 1–6; Ф. 2307. Оп. 2), отражающие функционирование Академии наук как государственного учреждения. Сюда входят документы директивных органов, переписка Отдела научных учреждений и Комиссии по содействию работам Академии наук при СНК СССР с АН СССР по утверждению планов и смет работ, отчетов, по получению разрешений на контакты с Комитетом наук (Ученым комитетом) и организацию совместных проектов. Среди использованных документов особенно информативными

являются материалы, относящиеся к 1920-м – первой половине 1930-х гг. Здесь можно отметить выписки из протоколов заседаний СНК СССР, Совета по труду и обороне, Наркомфина и переписку управляющего делами Совнаркома Н.П. Горбунова с непременным секретарем Академии наук С.Ф. Ольденбургом по вопросам организации изучения Монголии и взаимодействия с Ученым комитетом. Ценные сведения по этим же вопросам были выявлены также в РГАЭ (Ф. 4372. Оп. 1) и РГАСПИ (Ф. 17), а также в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (Ф. 2). Совокупность этих архивных источников позволила осветить общие тенденции влияния политических и идеологических факторов на сотрудничество Академии наук СССР с Комитетом наук (Ученым комитетом) МНР.

Основной корпус неопубликованных источников по деятельности Монгольской комиссии АН СССР находится в отдельно сформированном фонде. В СПФ АРАН хранятся материалы до середины 1941 г. (Ф. 339. Оп. 1–4), в Архиве РАН – материалы послевоенного периода, 1946–1952 гг. Содержание данного фонда можно систематизировать следующим образом: директивы вышестоящих органов; протоколы заседаний, отчеты в разные инстанции о деятельности Комиссии; переписка с Комитетом наук (Ученым комитетом) МНР, с советскими научными учреждениями по организации экспедиций в Монголию, их планы, сметы, научные и финансовые отчеты, вопросы по издательской деятельности; документы по личному составу. Эти материалы позволили более объективно определить характер, формы и направления советско-монгольского научного сотрудничества, показать деятельность активных участников этого процесса. Особый интерес вызывают документы по правовому сопровождению научного взаимодействия: тексты договоров и соглашений между Академией наук СССР и Комитетом наук (Ученым комитетом) МНР: за 1926–1935 гг. в СПФ АРАН (Ф. 2 и 339); за 1948–1960 гг. в Архиве РАН (Ф. 2, 579, 681).

Документы из Архива РАН и его Санкт-Петербургского филиала вместе с информацией из архивов ряда академических учреждений дали возможность подробно рассмотреть историю организации экспедиций в Монголию в рассматриваемый в диссертационной работе период: Палеонтологической (Архив РАН. Ф. 1712), Историко-этнографической (Архив РАН. Ф. 2 и Архив Института археологии), Сельскохозяйственной (Архив РАН. Ф. 339 и АВ ИВР РАН. Ф. 104). Для данного исследования были также привлечены архивные материалы о подготовке научного издания «Истории МНР» (Архив РАН. Ф. 2; Архив ИМБТ СО РАН; Архив ИВ РАН). Документы Политбюро (Ф. 17) и Секретариата ЦК КПСС, где принимались решения об

этих научных проектах, позволили выявить политико-идеологический контекст их организации и проведения.

Достижение полноты реконструкции событий советско-монгольского сотрудничества и глубокий анализ его содержания был невозможен без документов НЦА Монголии (Ф. 23), в котором сосредоточены все научно-организационные и делопроизводственные документы, а также переписка с Академией наук СССР и личная переписка руководителей Комитета наук (Ученого комитета) с руководителями Академии наук и советскими учреждениями и учеными.

Фонды АВП РФ (Ф. 111 – Референтура по Монголии и Ф. 183 – Посольство СССР в Монголии) содержат политические и экономические отчеты и переписку сотрудников советского посольства в Монголии с Народным комиссариатом / Министерством иностранных дел (НКВД / МИД СССР) и Академией наук. В этих материалах имеется, в частности, политическая оценка исследовательской деятельности Академии наук в Монголии. Эти материалы помогают более объективно определить значимость научных связей Академии наук и Комитета наук (Ученого комитета) и ее изменений в системе межгосударственных советско-монгольских отношений в разные периоды истории взаимоотношений двух стран.

При изучении ряда вопросов научного сотрудничества огромное значение имели материалы личных архивов ученых (переписка, дневники, научные материалы). Среди них хранящиеся в фондах СПФ АРАН материалы С.Ф. Ольденбурга (Ф. 208); в фондах Архива РАН – В.Л. Комарова (Ф. 277), В.А. Обручева (Ф. 642), Б.Б. Польшова (Ф. 602) и др. Особую значимость для данной работы имела переписка Ц.Ж. Жамцарано с С.Ф. Ольденбургом. Вопросы, обсуждаемые между руководителями научных учреждений, практически определили основные принципы сотрудничества, которым российские ученые продолжают следовать и сегодня в своем взаимодействии с монгольскими коллегами.

В диссертационном исследовании были также широко использованы опубликованные источники. Их можно разделить на три основные группы. К первой группе следует отнести важные для понимания советско-монгольских межгосударственных отношений сборники партийно-государственных документов³⁸ и публикации, раскрывающие характер советско-монгольских научных и культурных

---

³⁸ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). 1922–1952 / Сост. В.Д. Есаков. М.: РОССПЭН, 2000. 592 с.; Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952. Каталог. Т. 1. 1919–1929. Т. 2. 1930–1939. М.: РОССПЭН, 2000–2001; Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов / Сост. О.В. Хлевнюк и др. М.: АИРО-XX, 1995. 340 с.; Международные научные связи Академии наук СССР. 1917–1941 гг. / Гл. ред. В.А. Куманев. М.: Наука, 1992. 368 с.

взаимоотношений³⁹. Здесь следует отметить большую работу по выявлению этих материалов и их публикации, которую провела совместная Российско-Монгольская комиссия по сотрудничеству в области архивов (создана в 1992 г.). С 1996 по 2009 гг. ее со-руководителем с российской стороны был глава Федеральной архивной службы (с 2004 г. архивного агентства) России, член-корреспондент РАН В.П. Козлов.

Во вторую группу вошли материалы, отражающие непосредственно деятельность Академии наук СССР в Монголии и ее взаимодействие с Комитетом наук (Ученым комитетом) МНР. Это, прежде всего, годовые отчеты Академии наук⁴⁰, и издания Монгольской комиссии⁴¹.

В третью группу опубликованных источников выделены материалы личного характера: письма, дневники, воспоминания и мемуары исследователей, которые работали в Монголии⁴². Существенное место среди них занимают дневники известного российского исследователя Монголии, Китая и Тибета, путешественника П.К. Козлова 1923–1926 гг. и сотрудников Ученого комитета С.А. Кондратьева и его жены М.И. Клягиной-Кондратьевой. Дневники П.К. Козлова помимо описания деятельности экспедиции содержат впечатления от встреч с советскими и монгольскими государственными деятелями, учеными, руководителями Академии наук и Ученого комитета. Они помогают реконструировать события по организации Комиссии СНК по исследованию Монголии. В дневниках С.А. Кондратьева и М.И. Клягиной-Кондратьевой подробно отражена их работа в Ученом комитете и условия жизни советских исследователей в Улан-Баторе во второй половине 1920-х гг. Из послевоенных личных свидетельств сотрудничества

---

³⁹ Монголын тухай БХК(б)Н-ын баримт бичигт (1920–1952). Баримтын эмхтгэл. I боть. 1920–1932. Улаанбаатар, 2002. (Монголия в документах ВКП(б). 1920–1952. Сборник документов. Т. I. 1920–1932); Монголия в документах Коминтерна (1919–1934). Ч. 1 (1919–1929) / Науч. ред. Б.В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 527 с.; Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. I. 1921–1940. Т. II. 1941–1974. М.; Улаанбаатар, 1975–1979; Монгол-зөвлөлтийн соёл шинжлэх ухаан, техникийн харилцаа. Баримт бичгийн эмхтгэл. I боть. 1921–1960. (Монголо-советские культурные и научно-технические связи. Сборник документов). Улаанбаатар, 2000. 681 с.

⁴⁰ Отчеты о деятельности АН СССР за 1923–1934 гг. Л.: Изд-во АН СССР, 1924–1935.

⁴¹ Северная Монголия. Вып. 1–3. Л.: Изд-во АН СССР, 1926–1928; Материалы Комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР. Вып. 1–15. Л.: Изд-во АН СССР, 1929–1931; Труды Монгольской комиссии. Вып. 1–69. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1932–1957.

⁴² Яцковская К.Н. Неопубликованные материалы 20-х годов из личного архива Н.П. Шастиной (1898–1980) // *Mongolica*–III. СПб., 1994. С. 23–25; Клягина-Кондратьева М.И. Дневниковые записи / Публ. К.Н. Яцковской // *Mongolica*–V. СПб., 2001. С. 124–156; Из воспоминаний М.И. Клягиной-Кондратьевой / Публ. К.Н. Яцковской // *Mongolica*–VII. СПб., 2007. С. 87–101; Клягина-Кондратьева М.И. Монголын Бурханы Шашны Соёл: Хэнтий, Хангайн Сум, Хийдийн Судалгаа / Eds. S. Chuluun, T.I. Yusufova. Osaka, 2013; Письма А.Д. Симукова к П.К. Козлову и Е.В. Козловой / Публ. Т.И. Юсуповой // *Mongolica*–VII. СПб., 2007. С. 101–109; Цыбиков Г.Ц. Дневник поездки в Ургу в 1927 г. // Избранные труды в 2-х томах. 2-е изд., перераб. Т. 2. Новосибирск: Наука, СО, 1991. С. 121–151; Козлов П.К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. / Ред.-сост. Т.И. Юсупова, сост. А.И. Андреев, отв. ред. А.В. Постников. СПб.: Наука, 2003. 1039 с.

Академии наук и Комитета наук следует отметить переписку И.А. Ефремова⁴³. В письмах ученого своим коллегам содержатся сведения, значимые для понимания истории Монгольской палеонтологической экспедиции. Небольшая по объему, но важная информация о работе Комитета наук в 1950-х гг. почерпнута из автобиографий Б. Ширендыба и Ц. Дамдинсурэна⁴⁴.

Таким образом, проведенный обзор источников, ставших основой данного диссертационного исследования, дает возможность сделать вывод о том, что использованные материалы позволяют обеспечить объективное освещение научной проблемы в широком социально-историческом контексте.

Методологической основой диссертации являются базовые принципы исторического исследования: прежде всего научной объективности, историзма и системности. Принцип историзма предполагает рассмотрение исследуемых исторических событий и процессов в их взаимосвязи и развитии, а также условий этого развития; принцип объективности направлен на всесторонний анализ и оценку исторических фактов; системный подход позволяет выявить и связать воедино отдельные исторические события и процессы, проанализировать прямые и опосредованные связи между ними, что необходимо для комплексного подхода к решению поставленных задач. Для достижения цели исследования автор опирался также на следующие общеисторические методы: проблемно-хронологический, согласно которому описание событий осуществлялось во временной последовательности; историко-генетический, который позволил выявить причины установления и особенности сотрудничества между Академией наук СССР и Комитетом наук (Ученым комитетом) МНР; историко-сравнительный, позволивший сопоставить цели, задачи и характер сотрудничества со стороны как советских, так и монгольских исследователей и учреждений в разные временные периоды.

Определяющее значение для изучения развития советско-монгольского научного сотрудничества имели методы исследований в области социальной истории науки (отношения науки и государства, науки и других социальных институтов, научная политика). Особенно продуктивным для данной диссертационной работы явился метод исследования индивидуального явления, или case study (в данном случае – монгольского направления международной деятельности Академии наук СССР) в рамках

---

⁴³ Иван Антонович Ефремов. Переписка с учеными. Неизданные работы / Сост. Н.В. Бойко, отв. ред. П.К. Чудинов. М.: Наука, 1994. 286 с.

⁴⁴ [Shirendev B.] Through the Ocean Waves: The Autobiography of Bazaryn Shirendev / Transl. by T. Onon. Bellingham, Washington: Western Washington University, 1997. 231 p.; Дамдинсурэн Ц. Биография трех поколений // Цэндийн Дамдинсурэн. К 100-летию со дня рождения / Сост. А.Д. Цэндина. М.: Восточная литература, 2008. С. 7–16.

поликонтекстуального подхода, основанного на изучении большого массива архивных материалов, опубликованных источников и научных трудов, в том числе историографии советского периода.

Системный подход к изучению поставленных в работе задач, использованные методологические подходы и методы исследования способствовали глубокому и всестороннему рассмотрению истории становления и развития сотрудничества АН СССР и Комитета наук (Ученого комитета) МНР как части истории Академии наук СССР и важной компоненты системы советско-монгольского международного сотрудничества.

Научная новизна диссертации определена ее основной целью и состоит в том, что впервые в историко-научном исследовании на основе большого массива исторических источников и опубликованных материалов проведен комплексный анализ истории становления и развития научного сотрудничества Академии наук СССР и Комитета наук (Ученого комитета) МНР – одного из немногих в указанные хронологические рамки направлений международной деятельности советской Академии наук. Большинство рассмотренных в диссертационной работе проблем до сих пор не привлекали внимания ученых и оставались неизученными. В то же время ряд вопросов, поставленных в уже имеющейся историографии данной темы, был раскрыт, не избежав известного воздействия идеологических установок и стереотипов советского периода в истории России. В научный оборот введен большой массив новых архивных материалов из российских и монгольского архивов, которые позволили всесторонне подойти к анализу взаимодействия Академии наук СССР и Комитета наук (Ученого комитета) МНР. Их привлечение в значительной мере изменяет историографическую картину рассматриваемой научной проблемы и позволяет выявить воздействие социально-политических и идеологических факторов на характер и содержание советско-монгольского научного сотрудничества, вклад советских и монгольских исследователей в его развитие и основные результаты.

На защиту выносятся следующие основные положения:

- Исследовательский интерес к Монголии начал складываться у российских ученых уже в первые десятилетия существования Санкт-Петербургской Академии наук. В дальнейшем накопленные в академических учреждениях материалы и коллекции из Монголии способствовали их устойчивому интересу к этому региону.
- Советско-монгольское научное сотрудничество было инициировано Ученым комитетом МНР и поддержано Академией наук СССР, заинтересованной в реализации имеющихся в ее научных учреждениях исследовательских программ по изучению Монголии. Важную роль в установлении и выработке конфигураций

сотрудничества сыграли тесные личные связи неперменного секретаря Академии наук СССР С.Ф. Ольденбурга и ученого секретаря Ученого комитета МНР Ц.Ж. Жамцарано.

- Создание Монгольской комиссии – специального учреждения для координации взаимодействия Академии наук СССР и Комитета наук (Ученого комитета) МНР, вначале в качестве правительственной, затем – академической структуры, – свидетельствовало о его важном месте в системе советско-монгольских межгосударственных отношений и международной деятельности Академии наук СССР и, одновременно, обособило монгольское направление от других международных научных контактов АН СССР.
- Сотрудничество Академии наук СССР и Комитета наук (Ученого комитета) МНР носило взаимовыгодный характер и выстраивалось на основании норм международного права в рамках межгосударственных договоров и специальных соглашений между двумя научными учреждениями.
- На цели и интенсивность советско-монгольского сотрудничества в рамках Монгольской комиссии АН СССР оказывали влияние политическая ситуация внутри и вокруг МНР и процесс государственного регулирования деятельности Академии наук СССР и Комитета наук МНР, вовлечение их в решение прикладных задач хозяйственно-экономического развития Монголии.
- Характер сотрудничества Академии наук СССР и Комитета наук (Ученого комитета) МНР изменялся по мере развития научных институтов в Монголии и формирования национального научного сообщества: от изучения Монголии преимущественно силами советских ученых до совместных проектов, организованных на паритетных началах.
- В результате научного сотрудничества Академии наук СССР и Комитета наук (Ученого комитета) МНР были достигнуты важные результаты в развитии целого ряда естественнонаучных и гуманитарных дисциплин, решены актуальные для хозяйственно-экономического развития МНР прикладные задачи, подготовлены кадровые и институциональные условия для создания Академии наук МНР.

Представленные положения соответствуют следующим пунктам Паспорта специальностей ВАК РФ 07.00.10: п. 1 «Исторический анализ становления и развития науки и техники»; п. 4 «Выявление и исторический анализ неизвестных ранее фактов и нововведений, представляющих научную и историческую ценность»; п. 5 «Обобщение историко-научного материала с целью воссоздания целостной картины становления и развития отдельных наук и отраслей научного знания»; п. 7 «Исследование основных

тенденций и закономерностей становления и развития отдельных наук или отраслей научного знания».

Практическая значимость работы заключается в том, что содержащийся в ней фактический материал, основные положения и выводы могут найти применение (и уже применяются) при разработке учебных курсов по советско-монгольским отношениям и современной истории Монголии, спецкурсов по истории российской науки. Они также могут быть использованы при подготовке отдельных научных трудов по истории Российской академии наук и ее международной деятельности, при разработке проблем социальной истории российской науки, в исследованиях по истории изучения Центральной Азии российскими учеными.

Апробация работы. Основные положения и выводы проведенного диссертационного исследования изложены в более чем 30 докладах, представленных научной общественности в 2002–2015 гг. на международных конференциях, в том числе на конгрессах монголоведов, конгрессах по истории науки, конференциях европейских историков науки (Монголия (Улан-Батор: 2002, 2005, 2006, 2008, 2011), Китай (Пекин: 2005, 2010), Австрия (Вена: 2008), Индия (Канпур: 2009), Испания (Барселона: 2010), Финляндия (Хельсинки: 2013)), а также на общероссийских конференциях и семинарах (Санкт-Петербург, Москва, Казань, Новосибирск); обсуждались на заседании сектора истории Академии наук и научных учреждений СПбФ ИИЕТ РАН.

Содержание диссертационного исследования нашло отражение в одной монографии; пяти публикациях источников (одна из них в серии «Научное наследство») и научных трудов, в которых диссертант является редактором-составителем. Из них две книги подготовлены совместно с Институтом истории Монгольской академии наук и изданы – одна в Монголии, другая в Японии; в 15 статьях, опубликованных в ведущих научных журналах, рекомендованных ВАК России (одна из статей переведена на монгольский язык) и более чем в 30 других публикациях в отечественных и зарубежных изданиях.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, четырех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка сокращений, списка использованных источников и литературы, приложения – аннотированного списка исследователей, направленных учреждениями АН СССР в Монголию в 1923–1961 гг. в рамках советско-монгольского сотрудничества.

Основное содержание диссертации

Во введении обоснована актуальность темы диссертационного исследования, проанализирована степень ее изученности, определены объект, предмет, цели и задачи, хронологические и территориальные рамки работы, охарактеризована источниковая база исследования, использованные научные методы, отмечена новизна и практическая значимость диссертации.

В главе 1 «Монголия как объект изучения Академией наук в XVIII – начале XX в.» рассматривается история накопления знаний о Монголии⁴⁵ и процесс формирования монгольских коллекций в академических учреждениях начиная с XVIII в.; выявляются специалисты и приоритетные направления в изучении Монголии в Академии наук, причины заинтересованности академического сообщества в исследовании Монголии в начале XX в.

В параграфе 1.1 «Становление монголоведения в Академии наук» освещается история академического монголоведения и выявляются ученые, способствовавшие его развитию.

Монголоведение как научная дисциплина в Академии наук складывалось в рамках общего развития российского востоковедения, начало которому было положено уже в первые годы существования Академии. Источниковой базой для формирования классических монголоведных исследований явились коллекции рукописей и книг, в собирание которых внесли свой вклад участники академических экспедиций XVIII в. Д.Г. Мессершмидт, Г.Ф. Миллер, П.С. Паллас, И. Иериг и др., члены Российской духовной миссии в Пекине, российские путешественники-географы, дипломаты, купцы. В то же время Г.Ф. Миллер, И.Э. Фишер, И. Иериг, П.С. Паллас, И.Г. Георги положили начало изучению истории, языка и этнографии монгольских народов. Дальнейшая активизация монголоведных исследований в Академии наук была связана с открытием в 1855 г. факультета восточных языков в Санкт-Петербургском университете, где началась подготовка специалистов и по монгольским языкам. Основным направлением российского академического монголоведения являлось преимущественное изучение письменных памятников и их публикация, медиевистика и филология. В конце XIX в. начали развиваться археологические и этнографические исследования. В Азиатском музее АН была собрана богатейшая коллекция документальных памятников, для изучения и разработки которой требовалось проведение экспедиционных исследований, в частности,

---

⁴⁵ Здесь и далее речь идет о территории Внешней Монголии, или Халхи, северной части исторической области Монголия, территории современного государства Монголия (с 1924 по 1992 г. – Монгольская Народная Республика, МНР).

для общения с носителями языка и выявления новых материалов. В этих работах были заинтересованы видные монголоеды, которые работали в Азиатском музее или сотрудничали с ним: Б.Я. Владимирцов, В.Л. Котвич, А.Д. Руднев, Н.Н. Поппе и др. В своих исследованиях большое внимание истории и религии Монголии уделяли академики В.В. Бартольд, С.Ф. Ольденбург, В.В. Радлов, Ф.И. Щербатской.

В параграфе 1.2 «Естественнонаучное изучение Монголии в XVIII – начале XX в.» показано, что параллельно со становлением классического монголоведения в Академии наук шло активное естественнонаучное познание Монголии. В XVIII в. исследовательский интерес российских ученых к Монголии был обусловлен государственным запросом на получение знаний о природе, хозяйстве и населении различных субъектов империи, в том числе приграничных с монгольскими землями районов Сибири. На первом этапе шло накопление описательной информации общего характера о сопредельной территории, отразившееся в публикациях разнообразных жанров, и собирание коллекций. Эта работа была начата еще участниками Второй Камчатской экспедиции 1732–1743 гг. и академических экспедиций 1768–1774 гг., продолжена сотрудниками Русской духовной миссии в Пекине, экспедициями РГО. Большинство собранных монгольских коллекций было сосредоточено в Азиатском, Ботаническом, Зоологическом, Геологическом и минералогическом музеях АН. Их изучение способствовало дальнейшей активизации и специализации исследовательской деятельности на территории Монголии. Ее инициировали и финансировали, наряду с Академией наук, также и другие учреждения (Геологический комитет, Минералогическое общество, РГО). К 1920-м гг. в научном сообществе сформировался круг авторитетных ученых, проблематика работ которых была связана с Монголией: почвоведы Б.Б. Польшин и Л.И. Прасолов, геологи В.А. Обручев, М.А. Усов, В.В. Сапожников, И.П. Рачковский, минералог А.Е. Ферсман, зоологи П.П. Сушкин, А.Я. Тугаринов, ботаник В.Л. Комаров и др.

В параграфе 1.3 «Формирование и изучение монгольских естественнонаучных коллекций в Академии наук» показана роль центральноазиатских экспедиций РГО в накоплении монгольских коллекций в академических учреждениях, их востребованность научным сообществом. Дана оценка вклада в изучение Монголии известного исследователя Центральной Азии П.К. Козлова.

В конце XIX – начале XX в. основное пополнение монгольских естественнонаучных коллекций происходило за счет деятельности центральноазиатских экспедиций РГО, возглавляемых Н.М. Пржевальским, Г.Н. Потаниным, М.В. Певцовым, В.И. Роборовским, Г.В. Грумм-Гржимайло, П.К. Козловым и др. Активизация

исследовательских работ в Центральной Азии была связана с особым геополитическим интересом, который проявляли крупнейшие имперские державы к обширным территориям азиатского континента как к сферам своего влияния. Деятельность российских путешественников в этом регионе имела большой научный и общественный резонанс, что способствовало скорейшей обработке и введению в научный оборот сведений о доставленных ими коллекциях. Большую роль в трансляции знаний о Монголии играли также отчеты руководителей экспедиций, которые, как правило, оперативно публиковались по их завершении.

В истории установления научного сотрудничества между Российской академией наук / Академией наук СССР и Ученым комитетом (Комитетом наук) МНР важная роль принадлежит П.К. Козлову. Этому способствовал целый ряд обстоятельств. Прежде всего, его высокий международный научный авторитет. По мнению специалистов, естественнонаучные сборы П.К. Козлова обогатили центральноазиатские коллекции академических музеев и позволили российским ученым «сделаться настоящими хозяевами в вопросах фауны и флоры этой части земного шара»⁴⁶. Особую историческую ценность имеют археологические находки путешественника в Хара-Хото (Северный Китай, 1908–1909 гг.) и в Ноин-Уле (Северная Монголия, 1924–1925). В разные годы обработкой его коллекций занимались видные российские ученые. Немаловажное значение для успешной деятельности П.К. Козлова после 1917 г. имело совпадение региона его научных интересов с одним из значимых направлений внешнеполитической деятельности советского государства. Данное обстоятельство обеспечило ему правительственную поддержку при организации экспедиции в Монголию в 1923 г.

Изложенное в первой главе позволяет сказать, что в результате деятельности российских ученых к началу XX в. в Академии наук значительно расширились знания о Монголии, а академические учреждения пополнились богатейшими естественнонаучными коллекциями. В их изучении участвовал широкий круг специалистов, которые стремились продолжить исследовательские работы в соседней стране. Все это заложило основы будущего изучения Монголии и способствовало заинтересованности Академии наук в сотрудничестве с монгольским Ученым комитетом в начале 1920-х гг.

В главе 2 «Российская академия наук и Ученый комитет Монголии: поиск организационных форм и содержания сотрудничества (1921–1926)» освещается внешне- и внутривосточная ситуация в Монголии и вокруг Монголии;

---

⁴⁶ Семенов-Тянь-Шанский А.П. Зоологические результаты экспедиций П.К. Козлова // Известия Государственного географического общества. 1937. Т. LXIX. Вып. 1. С. 136.

рассматривается история создания Ученого комитета (Учкома) Монголии, его первые контакты с Академией наук; выявляются причины учреждения Комиссии СНК⁴⁷ СССР по научному исследованию Монголии (Монгольской комиссии).

В параграфе 2.1 «Политические и научно-организационные предпосылки установления сотрудничества Академии наук и Ученого комитета» кратко описывается политическая ситуация в Монголии в 1911–1921 гг., значение монгольского направления во внешней политике царской и советской России; исследования Монголии, предпринятые российскими / советскими учреждениями и монгольским правительством. Рассматривается деятельность Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова в 1923–1926 гг. и ее роль в привлечении внимания Академии наук и советского правительства к работе советских ученых в Монголии, ее методам и содержанию.

В подпараграфе 2.1.1 «Политическая ситуация в Монголии: от феодально-теократической монархии к народной республике» освещаются основные политико-социальные изменения, произошедшие в Монголии с 1911 по 1921 г. Это, прежде всего, провозглашение в 1911 г. независимости от цинского Китая, которая, однако, не была признана международным сообществом. В то же время Россия, оказывая поддержку соседней стране, направила свои усилия на создание из Монголии дружественного буферного государства с Китаем. С этой целью был принят ряд мер экономического и политического характера. В разделе отмечено, что для подготовки экономических реформ в Монголии российские финансовые советники при монгольском правительстве (С.А. Козин и П.А. Витте) организовали экспедиции по изучению природно-хозяйственных особенностей страны. Опыт их деятельности и кадровый потенциал впоследствии был использован Ученым комитетом Монголии в его исследовательской работе.

В подпараграфе 2.1.2 «Научно-организационные причины изучения Монголии Российской академией наук» прослежено, что после 1917 г. из академических работ в монгольском направлении продолжились только геологические исследования. Качественные изменения в организации изучения Монголии произошли после победы в июле 1921 г. монгольской народно-демократической революции и стабилизации внутривнутриполитической ситуации в России. Соглашение между правительствами РСФСР и Монголии в ноябре 1921 г. об установлении дружеских отношений позволило российским научным учреждениям активизировать свою деятельность. В 1922 г. начала работу академическая Монголо-Урянхайская экспедиция под руководством И.П. Рачковского, в

---

⁴⁷ СНК – Совет Народных Комиссаров, Совнарком

1923 г. – Монголо-Тибетская экспедиция РГО во главе с П.К. Козловым, организованная при поддержке советского правительства. Сделанные экспедицией уникальные археологические находки в Ноин-Уле получили широкий научный и общественный резонанс. Показано, что это открытие стало поводом для руководства Академии наук направить своих специалистов для оказания профессиональной помощи экспедиции П.К. Козлова и, одновременно, инициировать в СНК СССР обсуждение вопроса о расширении исследования Монголии и привлечении Академии наук к этим работам.

Параграф 2.2 «Создание и деятельность Ученого комитета Монголии» разделен на три подпараграфа (**2.2.1. Национальные особенности организации науки в Монголии; 2.2.2. Деятельность ученого секретаря Ученого комитета Монголии Ц.Ж. Жамцарано по его развитию; 2.2.3. Международные контакты Ученого комитета Монголии и установление сотрудничества с Российской академией наук**), в которых освещается: история создания и проблемы деятельности Ученого комитета, развитие его международных контактов; выявляется роль ученого секретаря Ц.Ж. Жамцарано в создании и деятельности Учкома, в установлении сотрудничества с РАН, в выработке его основных форм и направлений.

Правительство Монголии рассматривало создание национального научного учреждения как одно из непереносимых условий возрождения монгольской государственности. Поэтому уже через четыре месяца после революции, в ноябре 1921 г., был образован *Судар бичгийн хүрээлэн* – Ученый комитет Монголии. Его организация свидетельствовала, что наука определялась как важная часть государственной политики Монголии. Председателем Учкома был избран монгольский ученый, гун О. Жамьян, а ученым секретарем – бурят, тогда российский поданный Ц.Ж. Жамцарано. Эти два человека персонифицировали собой две основные задачи, стоявшие перед монгольским научным учреждением: сохранение и развитие традиционных монгольских знаний и классического монгольского образования и распространение в Монголии европейских знаний. Ц.Ж. Жамцарано – видному политическому и общественному деятелю, авторитетному ученому – принадлежит особое место в истории Учкома. В разделе характеризуется его научно-организационная деятельность, стремление применить опыт РАН в развитии Учкома. Отмечается тесный контакт с непереносимым секретарем Академии наук С.Ф. Ольденбургом, на советы и поддержку которого он опирался. Ц.Ж. Жамцарано отдавал много сил организации широкого изучения природных особенностей Монголии. К работе в этом направлении он пытался привлечь исследователей из других стран. При этом российское направление не рассматривалось как единственное. Однако в силу неопределенности международного статуса Монголии,

независимость которой была признана только Советской Россией, а также географического соседства, основные надежды Ц.Ж. Жамцарано возлагал на Российскую академию наук. Официальная просьба руководителей Учкома была направлена С.Ф. Ольденбургу осенью 1922 г. Но конкретные шаги по оказанию помощи монгольским коллегам С.Ф. Ольденбург смог предпринять только в 1924 г., когда появилась возможность командировать в Монголию за счет экспедиции П.К. Козлова двух археологов (С.А. Теплоухова и Г.О. Боровку), почвовед (Б.Б. Польшова) и минералога (В.И. Крыжановского). Первый опыт сотрудничества с учеными Академии наук позволил Ц.Ж. Жамцарано обсудить с С.Ф. Ольденбургом формы дальнейшего взаимодействия, его основные направления, условия и нормативно-правовое сопровождение.

В параграфе 2.3 «Правительственный патронаж сотрудничества Российской академии наук / Академии наук СССР с Ученым комитетом Монголии» рассматривается создание специальной правительственной Комиссии по научному исследованию Монголии (Монгольской комиссии), ее роль в советско-монгольских отношениях, взаимодействие с Ученым комитетом, результаты проведенных экспедиционных работ.

В подпараграфе 2.3.1 «Комиссия СНК СССР по рассмотрению результатов Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова: обсуждение методов и организационных форм изучения Монголии» освещается деятельность правительственной комиссии, созданной по инициативе С.Ф. Ольденбурга. В ходе ее работы решался вопрос: кто будет по просьбе Ученого комитета заниматься исследованием Монголии – экспедиция РГО под руководством П.К. Козлова, ориентированная на экстенсивно-описательные работы, или специализированные экспедиции Академии наук? Аргументы академического сообщества оказались весомее. В результате Академия наук получила государственный заказ на организацию всестороннего изучения Монголии, т. е. финансирование одного из международных направлений своей деятельности. Учитывая значимость предстоящей работы ученых в системе межгосударственных отношений для укрепления советского влияния в Монголии, правительство приняло решение организовать при СНК СССР специальную комиссию по научному исследованию Монголии (Монгольскую комиссию) во главе с управляющим делами Совнаркома Н.П. Горбуновым. Выявлено, что особую роль в таком ходе событий сыграл С.Ф. Ольденбург. Этому способствовало его умение вести диалог с властью и отстаивать интересы научного сообщества.

В подпараграфе 2.3.2 «Деятельность Комиссии СНК СССР по научному исследованию Монголии (Монгольской комиссии)» рассмотрены вопросы

взаимодействия Академии наук и Ученого комитета по организации изучения Монголии. Представлены основные результаты работы академических экспедиций, организованных в рамках правительственной Монгольской комиссии.

Заинтересованность Ученого комитета, готовность академического сообщества приступить к исследованиям и поддержка советского правительства определили быструю и успешную организацию и проведение работ в Монголии, в которых в 1925–1926 гг. приняли участие Азиатский, Ботанический, Зоологический, Геологический и Минералогический музеи Академии наук, Почвенный институт и др. Они развернули археологические, ботанические, геологические, гео- и гидрохимические, зоологические, почвенно-географические, этнолого-лингвистические экспедиционные исследования, спланированные с учетом пожеланий Учкома, с включением в состав экспедиционных отрядов его сотрудников. Такой характер взаимодействия стал основным на протяжении 1920-х гг. В обсуждении направлений и содержания сотрудничества определяющее значение имели личные, неформальные контакты С.Ф. Ольденбурга и Ц.Ж. Жамцарано. Непосредственный правительственный патронаж академических работ в Монголии осуществлял управляющий делами Совнаркома Н.П. Горбунов.

Таким образом показано, что исследовательский интерес российских академических учреждений к Монголии в начале 1920-х гг., желание Ученого комитета сотрудничать с Академией наук и сложившаяся в советско-монгольских межгосударственных отношениях политическая конъюнктура способствовали созданию правительственной структуры по организации изучения Монголии, которая осуществляла взаимодействие Академии наук с Ученым комитетом. Итоги первых двух лет сотрудничества были позитивно оценены монгольской стороной и советскими учеными. В этом взаимодействии наблюдалась, прежде всего, общая заинтересованность в развитии и расширении тесных контактов по всестороннему исследованию Монголии.

В главе 3 «Монгольская комиссия АН СССР как координатор советско-монгольского научного сотрудничества (1927–1945)» рассматривается деятельность академической Монгольской комиссии, условия и специфика ее работы; взаимодействие советских ученых с Комитетом наук в годы Великой Отечественной войны. Прослеживается, какое влияние оказало государственное административное регулирование деятельности Академии наук СССР и Комитета наук МНР на содержание сотрудничества; анализируется его нормативно-правовая база.

В параграфе 3.1 «Встраивание» Комиссии по научному исследованию Монголии в структуру Академии наук СССР» охарактеризованы особенности ее

функционирования как академического учреждения и взаимодействия с Комитетом наук (Ученым комитетом).

Перевод Академии наук в непосредственное подчинение СНК СССР и стабилизация советско-монгольских отношений отменили необходимость иметь особую правительственную структуру по организации научного изучения Монголии. В связи с этим Комиссия СНК СССР по исследованию Монголии в начале 1927 г. была упразднена. Одновременно, признавая политическую актуальность деятельности советских ученых в Монголии, правительство поручило создать для этих целей такую же комиссию в составе Академии наук СССР⁴⁸. Место Монгольской комиссии в структуре Академии наук изменялось в зависимости от актуальности ее деятельности в системе советско-монгольских межгосударственных отношений и отражало значимость монгольского направления в академических международных связях. В разные годы она работала: на «особых основаниях» с ОКИСАР⁴⁹; в составе Комиссии экспедиционных исследований АН; при Общем собрании АН, в Отделении математических и естественных наук; при Президиуме АН, в Отделении геолого-географических наук.

Председателем академической Монгольской комиссии в 1927 г. был утвержден С.Ф. Ольденбург. Под его руководством продолжились начатые ранее естественнонаучные исследования, изучение языков, истории и документальных памятников Монголии. Период 1925–1929 гг. стал самым интенсивным в советско-монгольских научных контактах в довоенные годы. Отработанная система организации и финансирования работ, в основном наблюдательный характер контроля со стороны НКВД (Народного комиссариата иностранных дел), понимание и схожесть во взглядах на содержание сотрудничества руководителей научных учреждений двух стран позволяли продуктивно заниматься решением исследовательских задач и быстро устранять возникающие проблемы. В параграфе отражены главные результаты проведенных исследований, публикация которых осуществлялась в изданиях Монгольской комиссии: «Материалы Комиссии»⁵⁰ (1929–1931, под грифом АН СССР); «Труды Монгольской комиссии» (1932–1957, под грифом АН СССР и Комитета наук МНР).

В параграфе 3.2 «Нормативно-правовое обеспечение работы советских ученых в Монголии и сотрудничества Академии наук СССР и Комитета наук (Ученого

---

⁴⁸ Полное официальное название комиссии до 1928 г.: Комиссия по научному исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР. Предполагалось, что в ее задачи будет входить изучение приграничных с Монголией республик. Однако этого не произошло, и с 1928 г. комиссия стала официально называться Монгольской.

⁴⁹ ОКИСАР – Особый комитет по исследованию союзных и автономных республик АН СССР.

⁵⁰ Полное название: Материалы Комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР.

комитета) МНР в 1925–1939 гг.» характеризуются нормативно-правовые акты, регулирующие взаимодействие Академии наук и Комитета наук (Ученого комитета).

В подпараграфе 3.2.1 «Нормативно-правовые акты, регламентирующие работу советских ученых в Монголии в 1924–1929 гг.» показано, что для регулирования деятельности иностранных ученых на территории страны в сентябре 1924 г. был принят закон «Об охране памятников старины». Этот документ ограничивал вывоз из Монголии коллекций, собранных экспедициями и отдельными исследователями. Деятельность Монгольской комиссии АН также проходила со строгим соблюдением правовых норм международного общения и регламентировалась, кроме этого закона, специальными договорами, ежегодно заключаемыми с Ученым комитетом. В этих документах определялся порядок выполнения работ и обязательства советских ученых перед монгольской стороной. В разделе рассмотрен также ход реализации договора П.К. Козлова с Учкомом о возврате в Монголию части ноин-улинской археологической коллекции после ее изучения в Ленинграде. Выполнение взятых советскими учеными обязательств контролировал Отдел Востока НКВД и Отдел научных учреждений СНК СССР, что подтверждало значимость научного сотрудничества для выстраивания доверительных межгосударственных отношений СССР с МНР.

В подпараграфе 3.2.2 «Договор Академии наук СССР и Комитета наук (Ученого комитета) МНР о совместных исследованиях в 1930–1934 гг.» освещается история подготовки, подписания и выполнения первого долгосрочного договора о сотрудничестве между ведущими научными учреждениями СССР и МНР, как важного шага к дальнейшему перспективному планированию их взаимодействия.

В 1929 г. в связи с расширением научных контактов Академия наук СССР и Ученый комитет МНР подписали долгосрочный договор о проведении совместных исследований в период 1930–1934 гг. Основанием для его заключения стало межправительственное Соглашение 1929 г., которым были установлены общие принципы взаимоотношений СССР и МНР. Договор 1929 г. между Академией наук и Ученым комитетом снял вопросы правового обеспечения работ советских ученых в Монголии, определил характер и основные направления научных контактов. В разделе отмечено, что подготовка договора выявила ряд принципиальных разногласий между Академией наук и монгольскими государственными структурами по содержанию сотрудничества с Учкомом, прежде всего, по усилению его практической направленности. Тем не менее, в текст договора были включены, в основном, работы общенаучного, академического характера. Однако в дальнейшем при формировании экспедиций большинство исследований было переориентировано на решение прикладных задач, актуальных для

экономического развития Монголии. В то же время Договор 1929 г. стал юридическим основанием для сохранения в планах сотрудничества целого ряда научных направлений, не имевших явно выраженного хозяйственного значения (археологических, этнолого-лингвистических, ботанических, зоологических и др. исследований).

В подпараграфе 3.2.3 «Договор о сотрудничестве Академии наук СССР и Комитета наук МНР в 1935–1939 гг.» выявляются особенности второго долгосрочного договора между Академией наук и Комитетом наук.

Для правового основания продолжения сотрудничества с Академией наук во второй половине 1930-х гг. Комитет наук выступил с инициативой заключить следующий долгосрочный договор о совместной работе в 1935–1939 гг. Его проект в основном повторил условия сотрудничества, зафиксированные в Договоре 1929 г., и его регламент, но имел и несколько нововведений, направленных на развитие научного взаимодействия с большим акцентом на решение проблем Комитета наук. Во-первых, в этом документе отсутствовал перечень планируемых Академией наук исследований в Монголии. Такой подход давал возможность более гибко учитывать просьбы Комитета наук при составлении годовых планов работ. Во-вторых, по этому договору обработка собранных экспедициями материалов должна была проходить преимущественно в Монголии. Данное условие было важным для развития лабораторной базы Комитета наук и подготовки национальных научных кадров. Третьей особенностью договора являлось разделение условий организации и проведения собственных исследований Академии наук в Монголии и совместных с Комитетом наук, что должно было, по мнению авторов проекта, стимулировать развитие именно совместных работ. Однако продолжить экспедиционные работы в Монголии в период действия этого договора, несмотря на обоюдное стремление, не удалось из-за развернувшихся в СССР и МНР политических репрессий и международной напряженности, вызванной действиями японских милитаристов. При этом взаимодействие Академии наук с Комитетом наук проходило по другим формам сотрудничества: осуществлялась издательская деятельность, книгообмен, обучение монгольских исследователей в академической аспирантуре.

В параграфе 3.3 «Деятельность Монгольской комиссии в условиях государственного администрирования Академии наук СССР и Комитета наук МНР» рассматриваются изменения в содержании сотрудничества в условиях активного государственного давления на деятельность научных учреждений.

В подпараграфе 3.3.1 «Реорганизация Комитета наук МНР: изменение приоритетов, расширение задач» показаны кадровые и организационные перемены, произошедшие в первом научном учреждении Монголии в 1930-х гг., и их причины.

Работа Комитета наук МНР в начале 1930-х гг., так же как и Академии наук СССР, проходила в условиях усиливающегося административно-идеологического давления на его деятельность со стороны государства. В 1930 г. в результате прихода к власти леворадикального крыла МНРП произошла смена политического руководства Монголии. Перемены коснулись также и Комитета наук (Ученого комитета). Как один из лидеров «правой», национал-демократической партийной группы, с должности ученого секретаря был снят Ц.Ж. Жамцарано. Руководителем научного учреждения назначили бывшего премьер-министра Монголии А. Амара, отстраненного по политическим мотивам от высшего государственного поста. В 1932 г. его сменил бывший министр юстиции Л. Дэндэв. Принятые на VIII съезде МНРП (февраль – апрель 1930 г.) решения о форсированном строительстве основ социализма в Монголии поставили перед Комитетом наук в качестве главной задачи содействие хозяйственно-экономическому переустройству страны. В сферу деятельности Комитета наук включили широкий круг прикладных проблем, решение которых, в силу недостатка национальных научных кадров, было возможно только с опорой на сотрудничество с Академией наук СССР. В разделе рассмотрены мероприятия по активизации участия Комитета наук в выполнении решений МНРП, охарактеризована деятельность его руководителя Л. Дэндэва и направления взаимодействия с Академией наук.

В подпараграфе 3.3.2 «Изменение целей и задач советско-монгольского сотрудничества: от “абстрактной академичности” к развитию прикладных научных исследований» освещается критика Монгольской комиссии за приверженность академическим направлениям исследований. Сфабрикованное осенью 1929 г. так называемое «академическое дело», последовавшие затем репрессии академического сообщества коснулись и Монгольской комиссии. От должности неперменного секретаря Академии наук и с постов председателя ряда комиссий, в том числе Монгольской, был отстранен С.Ф. Ольденбург. Новым руководителем Комиссии стал академик В.Л. Комаров. Кроме кадровых перестановок последовали и организационные изменения. В Положении о Комиссии 1930 г. корректировке подверглась целевая установка научного исследования Монголии: от «закрепления нашего политического влияния» (1925 г.)⁵¹ к «развитию и укреплению народного хозяйства МНР»⁵². Такие изменения были продиктованы необходимостью ускорить экономический рост Монголии как стратегического партнера СССР в Дальневосточном регионе. В связи с этим перед

---

⁵¹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 10. Л. 72.

⁵² СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1930. Д. 36. Л. 56.

руководством Академии наук была поставлена задача искоренить «абстрактную академичность» в советско-монгольских научных контактах, т. е. изменить его содержание. В качестве основных направлений были определены прикладные почвенно-агрономические, животноводческие, геологические, геохимические исследования. Был изменен и принцип формирования экспедиций Монгольской комиссии, главная роль в которых стала отводиться экономическим исследованиям. Перемены коснулись также отчетности: результаты работы советские ученые представляли теперь не Комитету наук, а монгольскому правительству и партийному руководству страны. Деятельность экспедиций Монгольской комиссии в 1931 и 1932 гг. получила позитивную оценку руководства Монголии за их ориентированность на решение актуальных хозяйственных задач, и Академии наук была адресована просьба о продолжении работ именно такого направления.

В подпараграфе 3.3.3 «Научное сотрудничество в условиях международной напряженности и политических репрессий в СССР и МНР» выявляются причины резкого сокращения взаимных контактов Академии наук СССР и Комитета наук МНР во второй половине 1930-х гг., освещаются последствия политических репрессий для советско-монгольского научного сотрудничества.

После 1933 г. прекратились экспедиционные работы Академии наук в Монголии. Основной причиной стала сложная внутри- и внешнеполитическая ситуация в Монголии и вокруг Монголии: народные восстания, военные столкновения на монгольско-маньчжурской границе, военный конфликт с Японией на Халхин-Голе. Одновременно у научного сообщества СССР наблюдался спад интереса к Монголии, что было связано с расширением исследований в советских республиках, организация работ в которых была значительно проще, и ужесточением контроля руководства страны за зарубежными поездками. Последовавшие далее политические репрессии 1937 г. еще более обострили наметившиеся проблемы в сотрудничестве с Комитетом наук. Многие советские ученые, работа которых была связана с Монголией, подверглись репрессиям. Большой кадровый урон был нанесен и монгольскому научному сообществу, где также произошли трагические события. Контакты Академии наук и Комитета наук после 1937 г. ограничились деловой перепиской, в основном связанной с обучением монгольской молодежи в СССР, и обменом отчетами о работе.

В параграфе 3.4 «Работа советских ученых в Комитете наук МНР в годы Великой Отечественной войны» отмечено, что в дальнейших мероприятиях по построению основ социализма в Монголии, выработанных на X съезде МНРП (март 1940), научному сообществу отводилось важное место. Для кардинальной перестройки работы

Комитета наук его руководителем был утвержден молодой дипломат Б. Жаргалсайхан⁵³ – представитель нового поколения монгольской интеллигенции. Ему в помощь назначили советского советника. Выполнение задач по усилению эффективности прикладных исследований потребовало от Комитета наук активизации взаимодействия с советскими научными учреждениями, как с академическими, так и с ведомственными. Возобновлению контактов способствовала относительная политическая стабилизация в регионе и сформировавшаяся устойчивая модель советско-монгольских отношений «старший брат – младший брат». Советские ученые после вынужденного перерыва смогли вновь начать свою деятельность в Монголии: по просьбе Комитета наук Всесоюзный институт кормов организовал Сенокосно-пастбищную экспедицию, а Академия наук командировала в Улан-Батор двух специалистов – географа Э.М. Мурзаева и почвоведом Н.Д. Беспалова. Развитие сотрудничества прервала война, но работа советских ученых в Комитете наук продолжилась. В параграфе освещены основные направления их деятельности. Они провели большой объем исследований по географическому изучению страны, описанию почв, выработке мер по повышению качества животноводства и его кормовой базы и др. Их результаты затем нашли отражение в серии фундаментальных монографий. Кроме того, советские специалисты участвовали в создании и работе первого Монгольского государственного университета.

Таким образом, изученный материал позволяет сказать, что монгольское направление научных связей Академии наук СССР в 1920-х – 1930-х гг. было организационно обособленно от других ее международных контактов. Для координации сотрудничества с Комитетом наук (Ученым комитетом) в составе Академии наук была создана специальная Монгольская комиссия, которая функционировала на тех же основаниях, что и другие академические комиссии, но при этом находилась под контролем Наркомата иностранных дел СССР. Следует также отметить, что интенсивность научного взаимодействия Академии наук и Комитета наук к концу 1930-х гг. значительно снизилась, что было связано с рядом внутри- и внешнеполитических проблем Монголии и политическими репрессиями, развернувшимися в СССР и МНР.

В главе 4 «Сотрудничество Академии наук СССР и Комитета наук МНР в условиях смены коммуникативной стратегии научных сообществ СССР и МНР (1945–1961)» проанализированы особенности и направления дальнейшего развития советско-монгольского научного взаимодействия в условиях расширения международного сотрудничества Академии наук СССР и Комитета наук МНР.

---

⁵³ Б. Жаргалсайхан был председателем Комитета наук в 1940–1941 и в 1946–1950.

В параграфе 4.1 «Научно-организационные особенности и нормативная база сотрудничества Академии наук СССР и Комитета наук МНР в послевоенных исторических реалиях» рассматриваются изменения, произошедшие в первые послевоенные годы в монгольском научном сообществе и в советско-монгольском научном взаимодействии.

После окончания Второй мировой войны определяющую роль в складывании тенденций и особенностей советско-монгольского научного сотрудничества сыграли изменения в геополитической ситуации в Дальневосточном регионе и укрепление международно-правового положения Монголии после признания мировым сообществом ее независимости. В то же время продолжающаяся политическая и экономическая зависимость МНР от СССР еще не позволяла ей проводить самостоятельную международную политику. В научной деятельности советское направление также оставалось для Монголии приоритетным. На предложение Комитета наук вновь организовать совместное изучение страны откликнулся целый ряд академических учреждений, что свидетельствовало о желании научного сообщества продолжить начатые до войны работы. Однако разработанный Монгольской комиссией план был значительно сокращен правительством. Из предложенных направлений Совет Министров утвердил только совместную с Комитетом наук Монгольскую сельскохозяйственную экспедицию. Одновременно с ее организацией проходила подготовка инициированного Комитетом наук нового долгосрочного договора о сотрудничестве. С этой целью в Москву приехали руководители монгольского научного учреждения. Однако такой документ так и не был выработан. До 1960 г. Академия наук и Комитет наук заключали соглашения только по конкретным научным проектам.

В параграфе 4.2 «Советско-монгольский проект по подготовке “Истории МНР”» освещена организация и проведение совместной работы ученых Академии СССР и Комитета наук МНР по написанию «Истории МНР», рассмотрен политический и идеологический контекст подготовки этого труда, значение проекта для развития исторических исследований в Комитете наук.

Произошедшие изменения в государственном и политическом устройстве страны требовали переосмысления роли и значения отдельных личностей и событий и их влияния на исторические процессы и развитие Монголии в соответствии с новыми идеологическими императивами. Кроме того, официальная концепция истории страны была необходима и для разработки программы ее преподавания и учебников для разных уровней обучения. Подготовительная работа продолжалась около двух лет, в течение которых складывалась организационная структура для реализации проекта, состав

редколлегии и исполнителей, проводилось выявление архивных и исторических источников, разрабатывался план поисковых и экспедиционных работ по сбору дополнительных материалов. Для правового регулирования проекта Академия наук и Комитет наук в 1948 г. заключили специальное соглашение. В параграфе показано, что определенные трудности в работе над книгой были сопряжены с развернувшимися в тот период в СССР и в МНР идеологическими кампаниями. Однотомник (вместо планировавшегося трехтомника) «История МНР» был издан одновременно на русском и монгольском языках в 1954 г. Научная значимость книги определялась, прежде всего, тем, что в ней впервые была освещена история Монголии за огромный период – с древнейших времен до 1952 г., систематизированы все выявленные на тот момент в хранилищах СССР и Монголии исторические источники и материалы. В то же время эта книга стала образцом идеологически выверенной науки и важным компонентом идеологической пропаганды, используемой во внутренней и внешней политике обеих стран.

В параграфе 4.3 «Взаимодействие Академии наук СССР и Комитета наук МНР по организации и проведению научных экспедиций» рассматривается сотрудничество советских и монгольских ученых на примере деятельности Монгольской историко-этнографической (1948–1949), Монгольской палеонтологической (1946–1949) и Монгольской сельскохозяйственной (1947–1951) экспедиций, их основные итоги и значение для развития соответствующих научных направлений в Монголии.

В подпараграфе 4.3.1 «Монгольская историко-этнографическая экспедиция (1948–1949)» освещается подготовка и проведение археологических и этнографических работ в Монголии под руководством С.В. Киселева; показана его роль в определении проблематики исследований; освещено участие Комитета наук в деятельности экспедиции.

Отмечено, что организация этой экспедиции была продиктована недостатком материалов по истории древнего и раннего средневекового периода для написания «Истории МНР». Работе экспедиции уделяли большое внимание руководители Монголии, что было связано, в первую очередь, с изучением монгольской истории периода Чингисхана – национальной гордости монголов. По поставленным задачам и достигнутым результатам экспедиция С.В. Киселева имела важное научное значение для разрешения большого круга проблем средневековой истории монголов. В то же время, по мнению монгольских ученых, ее деятельность стала главным фактором и стимулом развития археологических исследований в Монголии. Комитет наук финансировал деятельность экспедиции на территории страны, в ее составе работали его сотрудники – в дальнейшем авторитетные монгольские археологи. Начатые Историко-этнографической экспедицией

С.В. Киселева исследования получили развитие в работах Советско-Монгольской археологической экспедиции под руководством А.П. Окладникова (в 1960–1968 гг.) и Советско-Монгольской комплексной историко-культурной экспедиции (в 1969–1990 гг.).

В подпараграфе 4.3.2 «Монгольская палеонтологическая экспедиция (1946–1949)» представлен ход подготовки первой советской палеонтологической экспедиции в Монголию, которую возглавил И.А. Ефремов; показана роль Комитета наук в ее учреждении и значение результатов экспедиции для развития монгольских палеонтологических исследований.

Проекты организации палеонтологической экспедиции в Монголию рассматривались Монгольской комиссией еще в конце 1920-х гг. Но только в 1940 г., после обращения Комитета наук, Палеонтологический институт АН смог приступить к ее организации. Начать полевые исследования помешала война. После ее окончания организация экспедиция возобновилась. Она была одобрена на академическом и правительственном уровне и утверждена высшим партийным руководством страны и в 1946 г. Монгольская палеонтологическая экспедиция приступила к работе. Подробно рассмотренный ход ее подготовки отразил строгий контроль за международной деятельностью Академии наук на всех уровнях государственной власти во второй половине 1940-х гг. Работа Монгольской палеонтологической экспедиции проходила при поддержке Комитета наук и при его деятельном участии. Материалы Комитета наук помогли И.А. Ефремову выбрать маршрут, благодаря которому были обнаружены ставшие всемирно известными местонахождения остатков ископаемой фауны в Южной Гоби. Экспедиция значительно пополнила фонды палеонтологического отдела Государственного музея Монголии. Советские ученые описали и систематизировали его коллекции. В дальнейшем отдел стал своего рода учебной лабораторией для монгольских исследователей. Результаты и материалы Палеонтологической экспедиции И.А. Ефремова легли в основу научных программ совместной Советско/Российско-Монгольской палеонтологической экспедиции, которая с 1969 г. работает на территории Монголии. Благодаря многолетнему сотрудничеству с российскими учеными Монголия сегодня является одним из самых изученных в палеонтологическом отношении регионов мира, а монгольская палеонтологическая школа имеет высокий авторитет в мировом научном сообществе.

В подпараграфе 4.3.3 «Монгольская сельскохозяйственная экспедиция (1947–1951)» анализируется подготовка и проведение последнего совместного проекта Академии наук и Комитета наук, осуществленного в рамках Монгольской комиссии АН СССР. Целью Сельскохозяйственной экспедиции являлся анализ организации

животноводства и определение наиболее приемлемых для Монголии его хозяйственных форм, а также выработка мероприятий по его интенсификации. Комитет наук возлагал на деятельность экспедиции большие надежды в решении задач по повышению качества и кормовой базы животноводства и водоснабжения пастбищ. Однако уже на этапе организации выявились серьезные противоречия по формированию ее концепции и программы работ между Монгольской комиссией, выражавшей мнение академического сообщества, и начальником экспедиции П.В. Погорельским, назначенным по рекомендации ЦК ВКП(б). П.В. Погорельский считал необходимым условием выполнения поставленных задач повышение значимости экономических обследований и установление политического контроля на разных уровнях за деятельностью экспедиции и полученными результатами. Конфликт негативно отразился на работе экспедиции и разрешился только после смены ее руководителя. В 1950 г. экспедицию возглавил член-корреспондент Академии наук Е.М. Лавренко. Он значительно сократил объемы экономических работ и увеличил естественнонаучные исследования. Их результаты нашли отражения в публикациях Монгольской комиссии и имели большое значение для развития сельскохозяйственной науки в Монголии.

Рассмотрев деятельность трех монгольских экспедиций, следует отметить, что несмотря на их крупные успехи и готовность Академии наук и Комитета наук продолжить совместные проекты, Политбюро ЦК ВКП(б) 6 июня 1950 г. отклонило просьбу о продолжении исследований Палеонтологической и Историко-этнографической экспедиций в Монголии. В 1951 г. была прекращена работа Монгольской сельскохозяйственной экспедиции. Резкое сокращение по воле партийного руководства деятельности Академии наук в Монголии явилось следствием изменения в целом приоритетов советской внешней политики на Востоке. Более важным для СССР международным партнером стал Китай, что, начиная с 1950 г., нашло отражение и в активном развитии советско-китайских научных контактов.

В параграфе 4.4 «Упразднение Монгольской комиссии АН СССР» изучены внутренние и внешние причины прекращения деятельности Монгольской комиссии АН, показаны попытки научного сообщества сохранить данную организационную форму взаимодействия советских ученых с Комитетом наук МНР.

Значимость Монгольской комиссии АН как координатора советско-монгольского сотрудничества в послевоенный период значительно снизилась. Из общеакадемического учреждения при Президиуме Академии наук она была переведена в состав Отделения геолого-географических наук. В начале 1950-х гг. в ее ведении находился единственный совместный советско-монгольский проект – Монгольская сельскохозяйственная

экспедиция. Все остальные проекты Комиссии, хотя они и были поддержаны другими учреждениями и руководством Академии наук, не были утверждены правительством. Одновременно для координации постоянно расширяющегося в послевоенные годы международного сотрудничества Академии наук в структуре Президиума было создано специальное учреждение – Иностраный отдел. Иметь комиссию, ориентированную на сотрудничество с одной конкретной страной, было уже нецелесообразно и, в случае с Монголией, в силу изменившейся международной обстановки, политически неактуально. Несмотря на просьбы Комитета наук МНР и целого ряда авторитетных советских ученых о ее сохранении как важного и плодотворно работающего учреждения, Постановлением Президиума АН от 15 мая 1953 г. Монгольская комиссия была упразднена. Этот факт свидетельствовал о том, что монгольское направление международной деятельности Академии наук перестало быть организационно обособленным от других ее контактов с научными организациями стран социалистического содружества.

В параграфе § 4.5 «Развитие организационно-правового обеспечения, форм и содержания сотрудничества Академии наук СССР и Комитета наук МНР» характеризуются нормативно-правовые основания сотрудничества и его направления в условиях смены коммуникативных возможностей Комитета наук Монголии; особенности организации и проведения совместных проектов в 1950-х гг.

Программы и организационные формы взаимодействия Академии наук и Комитета наук во второй половине 1950-х гг. регламентировались «Соглашением о культурном сотрудничестве» между СССР и МНР от 24 апреля 1956 г. К сложившимся формам научных контактов прибавилась новая – взаимные командировки ученых по эквивалентному (безвалютному) обмену, которые имели большое значение для научного взаимодействия двух стран вплоть до реформы РАН в 2013 г. Принятая советским правительством декларация «Об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между СССР и другими социалистическими странами» (октябрь 1956 г.) определила переориентацию советско-монгольского научного сотрудничества на исключительную паритетность. Этому способствовали также успехи в развитии научно-исследовательских институтов в Монголии. Особенностью деятельности Комитета наук в 1950-х гг. стало расширение его сотрудничества с зарубежными научными организациями и учеными, прежде всего, из стран социалистического лагеря. Усилилось внимание к Монголии исследователей и других европейских стран и Америки. Подтверждением этому стал первый Конгресс монголоведов, который прошел в сентябре 1959 г. в Улан-Баторе. В его работе приняли участие ученые из 15 стран, в том числе, Англии, США, Японии и др. Он имел не только большое научное, но и политико-идеологическое

значение: продемонстрировал успехи Монголии на пути строительства социализма при поддержке СССР. Одновременно Конгресс высветил проблемы развития монголоведения в Советском Союзе, а также ослабление научных контактов Академии наук и Комитета наук. Обеспокоенность этим обстоятельством высказал и Комитет наук. Его руководители считали необходимым на фоне развивающихся международных контактов Комитета наук сохранить «первенствующее положение» советского монголоведения, что было важно и в политических целях. В связи с указаниями директивных органов Академия наук приняла ряд мер по совершенствованию подготовки монголоведов в СССР, в том числе, увеличению числа их научных командировок в МНР.

В параграфе § 4.6 «Создание Академии наук Монгольской Народной Республики» освещается взаимодействие Комитета наук и Президиума АН СССР по организации Академии наук МНР и заключению нового долгосрочного договора о научном сотрудничестве.

Для повышения качества высшего образования решением правительства МНР в июле 1957 г. Комитет наук был преобразован в Комитет науки и высшего образования. Такое объединение при общем недостатке научных кадров привело к значительному сокращению исследовательской работы, что вскоре заставило руководство Монголии поставить перед Комитетом наук вопрос о ее расширении и повышении результативности. Для выполнения поставленных задач руководство Комитета наук обратилось к советским коллегам с предложением подписать новый договор о научном сотрудничестве, подобный другим, которые АН СССР заключала с академиями наук стран народной демократии. Одновременно Комитет наук предложил правительству страны создать Академию наук Монголии, отделив ее от Комитета по делам высшего образования. За организационную модель предполагалось взять Академию наук СССР. Именно советская модель академии, встроенной в государственную систему и финансируемой исключительно государством, могла обеспечить мобилизацию научных сил для реализации решений руководства страны. Делегация Комитета наук в конце 1960 г. прибыла в Москву, где провела большую работу по изучению опыта организации академической науки в СССР. Во время визита было также подписано Соглашение между Академией наук и Комитетом наук о научном сотрудничестве в 1961–1965 гг.

Академия наук МНР была образована решением правительства страны 16 мая 1961 г. Устав определял её как высшее научное учреждение Монголии, основная задача которого состояла в оказании помощи «развитию народного хозяйства и культуры путем внедрения достижений науки своей страны, Советского Союза и других братских

социалистических стран»⁵⁴. Создание Академии наук МНР явилось завершением становления государственной системы организации науки в Монголии и дало импульс для дальнейшего развития научно-исследовательской работы в стране. В этом была значимая заслуга советских ученых, активные научные контакты с которыми продолжились и далее. Характер, формы и направления взаимодействия академий наук СССР и МНР определялись с использованием опыта сотрудничества в предыдущие десятилетия и регулировались уже межакадемическими соглашениями и договорами.

В заключении подводятся итоги диссертационного исследования и формулируются основные выводы.

В настоящем диссертационном исследовании впервые проведен всесторонний детальный анализ проблем становления, развития и основных результатов сотрудничества Академии наук СССР и Комитета наук (Ученого комитета) МНР в широком политико-идеологическом и социальном контексте.

В результате выявления и изучения всей совокупности источников и литературы, разных по своему составу и содержанию, было установлено, что исследовательский интерес российских ученых к Монголии начал складываться еще в XVIII в. Он был обусловлен государственным запросом на получение знаний о природе, хозяйстве и населении приграничных с Монголией районов Сибири, а также и самой соседней страны. Благодаря деятельности академических экспедиций, сотрудников Русской православной миссии в Пекине и экспедиций РГО в академических учреждениях были накоплены богатые естественнонаучные и археологические коллекции и документальные памятники из Монголии. Необходимость их изучения стимулировала формирование в Академии наук специалистов в разных научных дисциплинах, заинтересованных в продолжении работ в Монголии.

Анализ причин установления сотрудничества Академии наук СССР и Комитета наук (Ученого комитета) МНР показал, что они были связаны с имеющимися у академических учреждений планами по изучению Монголии. Руководство Академии наук, откликаясь на просьбу Ученого комитета МНР об оказании помощи в исследовании страны, использовало политическую конъюнктуру, сложившуюся в советско-монгольских отношениях в начале 1920-х гг., чтобы получить «государственный заказ» на изучение Монголии совместно с Ученым комитетом МНР. Учреждение особой Комиссии по исследованию Монголии (Монгольской комиссии) при Совнаркоме СССР подтвердило

---

⁵⁴ Цит. по: Очерки истории культуры МНР / Ред. Ц.-А. Дугар-Нимаев. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1971. С. 297.

важную роль научного сотрудничества в системе межгосударственных отношений двух стран.

В ходе исследования было выявлено, что в становлении советско-монгольских научных связей особая роль принадлежала непременно секретарю Академии наук С.Ф. Ольденбургу и ученому секретарю Ученого комитета Ц.Ж. Жамцарано. Их тесные дружеские отношения, сходное понимание целей и задач сотрудничества определили основные принципы взаимодействия и позволили выстроить его на взаимовыгодной основе.

Установлено, что создание в составе Академии наук специальной Монгольской комиссии обособило советско-монгольское научное взаимодействие от других направлений международной деятельности Академии наук. Монгольская комиссия была единственной в ее составе, ориентированной на сотрудничество с зарубежной страной. При этом как академическое учреждение она функционировала на тех же основаниях, что и другие комиссии, но ввиду внешнеполитической направленности ее деятельность находилась под контролем НКВД/МИД СССР. Место Монгольской комиссии в структуре Академии наук изменялось от общеакадемического учреждения при Общем собрании (Президиуме) АН к комиссии в составе одного из отделений (Отделения геолого-географических наук) Академии наук. Такое перемещение было связано с постепенным снижением значимости сотрудничества Академии наук и Комитета наук в межгосударственных отношениях СССР и МНР и в международной деятельности Академии наук.

Показано, что на содержание исследовательских программ сотрудничества Академии наук СССР и Комитета наук (Ученого комитета) МНР в рамках Монгольской комиссии АН заметное влияние оказал процесс государственного администрирования их деятельности, направленный на переориентацию работ общенаучной, академической направленности на прикладные исследования, призванные решать задачи хозяйственно-экономического развития Монголии.

Выявлено, что характер советско-монгольского научного сотрудничества изменялся: от оказания советскими учеными помощи в изучении Монголии при организационной и незначительной материальной и финансовой поддержке Комитета наук (Ученого комитета) (в 1920–1930-х гг.) – к паритетному участию сторон в совместных работах (в конце 1940-х гг.); от научного взаимодействия в контексте укрепления межгосударственных отношений – к сотрудничеству, определяемому проблемами развития конкретных научных дисциплин. Монгольские исследователи играли важную роль в научном взаимодействии, активно участвуя в формировании и

реализации его программ. Их вклад в совместные исследования возрастал по мере развития и кадрового укрепления Комитета наук (Ученого комитета) МНР.

Проведенный анализ основных публикаций советских ученых по результатам работы в Монголии позволил сделать вывод, что идеологическое воздействие на их деятельность со стороны государства не отражалось на методах и научной добросовестности проводимых исследований. Содержание этих публикаций и отчетов соответствовало нормам, принятым в научном сообществе.

В процессе исследования было определено, что взаимодействие Академии наук СССР и Комитета наук (Ученого комитета) МНР строилось в рамках межгосударственных соглашений и оформлялось договорными обязательствами, вначале ежегодными, затем долгосрочными, как общего характера, так и частного – о выполнении конкретных совместных проектов. Эти документы юридически закрепляли формы и содержание сотрудничества и снимали вопросы правового обеспечения работ советских ученых в Монголии.

Показано, что продолжительное время основной формой сотрудничества Академии наук СССР и Комитета наук (Ученого комитета) МНР являлось проведение экспедиционных исследований по разным научным направлениям. Также в рамках взаимодействия реализовались совместные исследовательские проекты, осуществлялся книгообмен, взаимные стажировки, командировки по эквивалентному (безвалютному) обмену, оказывалась помощь в обучении монгольских исследователей. Среди научных направлений наиболее тесные и продолжительные контакты сложились в области археологии, биологии, геологии, истории и источниковедения, лингвистики, палеонтологии, этнографии, геофизики и ряда других научных направлений.

В начале 1950-х гг. вследствие изменения геополитической обстановки и приоритетов советской внешней политики, а также расширения межгосударственных отношений СССР с восточноевропейскими странами и Китаем у Академии наук СССР появились новые коммуникативные возможности. Сотрудничество с Комитетом наук из обособленного стало одним из направлений международных контактов Академии наук со странами социалистического содружества, координация которых осуществлялась Иностранным отделом Президиума АН. Одновременно, после признания международным сообществом независимости Монголии начали расширяться и международные контакты Комитета наук МНР. При этом сотрудничество с Академией наук СССР оставалось важнейшим фактором для дальнейшего развития науки в Монголии.

В результате долговременного взаимовыгодного научного сотрудничества Академии наук СССР и Комитета наук (Ученого комитета) МНР в 1921–1961 гг. был

решен целый ряд научных проблем в области истории, археологии, палеонтологии, геологии, биологии и других научных дисциплин; российские и монгольские музеи обогатились значительными, частью уникальными, естественнонаучными и археологическими коллекциями; в Монголии были подготовлены высокопрофессиональные национальные научные кадры, и значительно увеличилось количество монгольских научно-исследовательских учреждений. Достигнутые успехи явились основанием для правительства Монголии принять решение о создании Академии наук МНР. Это событие стало главным результатом советско-монгольского научного сотрудничества в рассматриваемых хронологических рамках.

Основные результаты диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

Монография

1. *Юсупова Т.И.* Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности (1925–1953) / Т.И. Юсупова. – СПб.: Нестор-История, 2006. – 280 с.
Рецензия: Кульганек И.В. Монографии по истории науки // Mongolica–VII. – СПб., 2007. – С. 130–131.

Публикация источников и сборников научных материалов:

1. Козлов П.К. Дневники Монголо-Сычуаньской экспедиции 1907–1909 гг. / П.К. Козлов / Ред.-сост. **Т.И. Юсупова**; сост. Т.Ю. Гнатюк; отв. ред. *А.И. Андреев*. – СПб.: Нестор-История, 2015. – 424 с.
Рецензия: Жабеева Л.Б. Дневники Козлова – богатое наследие // Бурятия. – 2005. – 14 мая. – С. 5.
2. Козлов П.К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. / П.К. Козлов / Ред.-сост. **Т.И. Юсупова**; сост. А.И. Андреев; отв. ред. А.В. Постников. – СПб.: Наука, 2003. – 1039 с. (Научное наследие. Т. 30).
Рецензия: Жабеева Л.Б. Дневники Козлова – богатое наследие // Бурятия. – 2005. – 14 мая. – С. 5.
3. Клягина-Кондратьева М.И. Монголын Бурханы Шашны Соёл: Хэнтий, Хангай Сум, Хийдийн Судалгаа (Монгольская буддийская культура: изучение монастырей и храмов в Кентее и Хангае) [Текст на монгольском и русском языках] / М.И. Клягина-Кондратьева / Ред.-сост. С. Чулуун, **Т.И. Юсупова**. – Osaka: National Museum of Ethnology, 2013. – 209 p. (Senri Ethnological Reports. Vol. 113).
Рецензия: Яцковская К.Н. [Рец.:] // Mongolica–XIII. – СПб., 2014. – С. 87–89.
4. Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты (к 150-летию П.К. Козлова) / Отв. ред. *К.В. Чистяков*; ред.-сост. **Т.И. Юсупова**; ред. *Т.Ю. Гнатюк*. – СПб.: Политехника-сервис, 2014. – 408 с.

Рецензии: Михайлов К.Г. Русские ученые в Центральной Азии // Историко-биологические исследования. – 2014. – Т. № 4. – С. 120–123; Кабак И.И. [Рец.:] // Selevinia. Зоологический ежегодник Казахстана и Центральной Азии. Т. 22. – Алматы, 2014. – С. 241–242.

5. Монголо-Российское научное сотрудничество: от Ученого комитета до Академии наук / Ред.-сост. С. Чулуун, Т. Юсупова. – Улаанбаатар: Адмон, 2012. – 182 с.

Статьи в журналах, рекомендованных ВАК РФ

1. Юсупова Т.И. «Очень важно для понимания всей эволюции животного мира...»: Организация Монгольской палеонтологической экспедиции под руководством И.А. Ефремова / Т.И. Юсупова // Вопросы истории естествознания и техники. – 2016. – № 1. – С. 9–26.
2. Юсупова Т.И. Центральная Азия в истории российско-немецких научных контактов: П.К. Козлов и В. Фильхнер / Т.И. Юсупова // Вопросы истории естествознания и техники. – 2014. – № 1. – С. 42–49.
3. Юсупова Т.И. «Благодаря Вам мне открылся прекрасный мир Центральной Азии»: письма М.И. Клягиной-Кондратьевой к С.Ф. Ольденбургу / Т.И. Юсупова // *Mongolica*–XIII: Сборник научных статей по монголоведению. Посвящается 235-летию со дня рождения И.Я. Шмидта (1779–1847). – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014. – С. 71–75.
4. Юсупова Т.И. Конференция «Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты» / Т.И. Юсупова // Вопросы истории естествознания и техники. – 2014. – № 2. – С. 190–196.
5. Юсупова Т.И. «Современный Учком, при дальнейшем развитии, преобразуется в национальную Академию наук и художеств»: Программа развития Ученого комитета Монголии Ц.Ж. Жамцарано / Т.И. Юсупова // *Mongolica*–XI: Сборник научных статей по монголоведению. Посвящается 130-летию со дня рождения А.В. Бурдукова. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013. – С. 91–96.
6. Юсупова Т.И. Международное признание заслуг путешественника П.К. Козлова в изучении Центральной Азии / Т.И. Юсупова // Известия Русского географического общества. – 2013. – № 4. – С. 79–84.
7. Юсупова Т.И. Библиография монголоведения / Т.И. Юсупова // Библиография. – 2012. – № 3. – С. 30–34.
8. Юсупова Т.И. Организация экспедиционной деятельности в Академии наук: 1921–1930 гг. / Т.И. Юсупова // Вопросы истории естествознания и техники. – 2012. – № 4. – С. 91–107.

9. Юсупова Т.И. Ц.Ж. Жамцарано – ученый секретарь Ученого комитета Монголии / Т.И. Юсупова // Вопросы истории естествознания и техники. – 2011. – № 4. – С. 200–213.
10. Юсупова Т.И. Случайности и закономерности археологических открытий: Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова и раскопки Ноин-Улы / Т.И. Юсупова // Вопросы истории естествознания и техники. – 2010. – № 4. – С. 26–67.
На монг. языке: Археологийн тохиолдлын ба зүй тогтолтой нээлтүүд: П.К. Козловын Монгол-Төвдийн экспедиц, Ноён уулын малтлага // Түүхийн Судлал (Исторические исследования). Боть XL. – Улаанбаатар, 2010. – С. 1–40.
11. Юсупова Т.И. Российско-монгольское научное сотрудничество: некоторые особенности становления и развития / Т.И. Юсупова // Вопросы истории естествознания и техники. – 2010. – № 1. – С. 63–74.
12. Юсупова Т.И. Премия Французской академии наук русскому путешественнику П.К. Козлову / Т.И. Юсупова // Исторический архив. – 2010. – № 6. – С. 200–204.
13. Юсупова Т.И. Российско-индийское научное сотрудничество в социолого-научно-исследовательском аспекте / Т.И. Юсупова, Н.А. Ащеулова // Вопросы истории естествознания и техники. – 2009. – № 3. – С. 176–183.
14. Юсупова Т.И. Русско-немецкие научные связи периода Веймарской республики: 1921–1933 гг. / Т.И. Юсупова, М.Б. Конашев // Вопросы истории естествознания и техники. – 2006. – № 2. – С. 183–189.
15. Юсупова Т.И. История одного не совсем обычного путешествия: Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова (1923–1926 гг.) / Т.И. Юсупова, А.И. Андреев // Вопросы истории естествознания и техники. – 2001. – № 2. – С. 51–74.

Публикации в других отечественных и зарубежных изданиях:

1. Yusupova T.I. Pyotr Kuz'mich Kozlov, 1863–1935 / T.I. Yusupova, A.I. Andreev // Geographers Biobibliographical Studies. Vol. 34 / Ed. by H. Lorimer and Ch.W. Withers. – London; New Delhi, New York; Sydney: Bloomsbury Academic, 2015. – P. 127–164.
2. Юсупова Т.И. К истории первого совместного советско-монгольского научного проекта по подготовке однотомника «История МНР» / Т.И. Юсупова // «Я рад, что стал монголоведом». К 85-летию С.К. Рощина / Науч. ред.-сост. Е.В. Бойкова, ред.-сост. Н. Хишигт, отв. ред. С. Чулуун. – М.; Улаанбаатар: Адмон, 2015. – С. 271–293.

3. Юсупова Т.И. Контекстуальные и социально-политические особенности создания и деятельности Монгольской комиссий АН СССР / Т.И. Юсупова // Востокведение в России и странах СНГ на рубеже веков. Материалы Международного симпозиума, посвященного 200-летию создания кафедры восточной словесности в Казанском университете, 2–5 июля 2007 г. / Отв. ред. Р.М. Валеев. – Казань: Фолиант, 2015. – С. 462–469.
4. Юсупова Т.И. Подготовка однотомной «Истории МНР» в 1946–1954 гг. (по документам российских архивов) / Т.И. Юсупова // Монголоведение и глобализация в современном мире: Улымжиевские чтения–VIII. Материалы Международной научно-практической конференции (Улан-Удэ, 22–23 мая 2014 г.). – Улан-Удэ: ГБУ РЦ «Бэлиг», 2014. – С. 304–312.
5. Юсупова Т.И. Деятельность Б.Я. Владимирцова в Монгольской комиссии Академии наук / Т.И. Юсупова // Тезисы Международной конференции «Б.Я. Владимирцов – выдающийся монголовед XX века», 6–8 октября 2014, Санкт-Петербург. – СПб.: ИВР РАН, 2014. – С. 32–33.
6. Юсупова Т.И. История российско-монгольского научного сотрудничества по материалам Архива РАН / Т.И. Юсупова // Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия. Материалы Международной конференции. – М.: Архив РАН, 2013. – С. 532–536.
7. Юсупова Т.И. Монгольская комиссия Академии наук: 1925–1953 гг. / Т.И. Юсупова // Комиссии Академии наук в XVIII–XX веках: Исторические очерки / Отв. ред. Ю.М. Батулин; ред.-сост. Г.И. Смагина, Э.А. Тропп. – СПб.: Нестор-История, 2013. – С. 345–382.
8. Юсупова Т.И. Материалы по истории российско-монгольского научного сотрудничества в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН / Т.И. Юсупова // Культурное наследие монголов: рукописные и архивные собрания Санкт-Петербурга и Улан-Батора. Международная конференция при поддержке Президента Монголии. 19–20 апреля 2013 года. Санкт-Петербург. Тезисы докладов. – СПб., 2013. – С. 30–31.
9. Yusupova T.I. Russian and Mongolia: Transfer of Scientific Knowledge in Political Context (1920th) / T.I. Yusupova // The Circulation of Science and Technology: Proceedings of the 4th International Conference of the ESHS, Barcelona, 18–20 November 2010 / A. Roca-Rosell (ed.). – Barcelona, 2012. – P. 1024–1026.

10. Юсупова Т.И. РАН и Ученый комитет Монголии: установление научного сотрудничества (1920–1930-е гг.) / Т.И. Юсупова // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная конференция, 2011 / Отв. ред. Ю.М. Батулин. – М.: ИИЕТ РАН, 2011. – С. 91–98.
11. Юсупова Т.И. История не совсем обычного археологического открытия / Т.И. Юсупова // Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д. Двадцатый ноин-улинский курган. – Новосибирск: Инфолио, 2011. – С. 11–53.
12. Yusupova T.I. Constants and Factors of Change in International Cooperation between Russia and Mongolia / T.I. Yusupova // Liberalizing Research in Science and Technology: Studies in Science Policy / Eds. N. Ascheulova, B. Pattnaik, E. Kolchinsky, G. Sandstrom. – St. Petersburg, 2010. – P. 88–93.
13. Юсупова Т.И. Изучение истории научного взаимодействия России и Монголии / Т.И. Юсупова // Тезисы VII Съезда российских востоковедов (Звенигород, 13–16 сентября 2010 г.). – М.: ИД «Ключ-С», 2010. – С. 273–274. (Бюллетень Общества востоковедов РАН. Вып. 19).
14. Юсупова Т.И. Монголо-Урянхайская экспедиция Академии наук, 1922–1924 гг. / Т.И. Юсупова // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Тезисы XXX международной годичной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники (23–27 ноября 2009 г.). Вып. XXV. – СПб.: Политехника-сервис, 2009. – С. 128–129.
15. Юсупова Т.И. И.П. Рачковский – исследователь геологии Монголии / Т.И. Юсупова // Наука и техника: вопросы истории и теории. Тезисы XXX Международной годичной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники (23–27 ноября 2009 г.). Вып. XXV. – СПб.: Политехника-сервис, 2009. – С. 130.
16. Юсупова Т.И. Публикации Монгольской комиссии Академии наук как источник по истории российско-монгольского научного сотрудничества / Т.И. Юсупова // XXV Международная конференция «Источниковедение и историография стран Азии и Африки. Востоковедение и Африканистика в диалоге цивилизаций». 22–24 апреля 2009 г. – СПб.: Восточный факультет СПбГУ, 2009. – С. 294–296.
17. Юсупова Т.И. Монгольская комиссия АН СССР (1927–1953): особенности создания и деятельности / Т.И. Юсупова // Архив Академии наук – достояние национальной и мировой науки и культуры: материалы Международной научной конференции / Отв. ред. В.Ю. Афиани. – М., 2009. – С. 723–730.

18. Юсупова Т.И. Российско-американские встречи в Центральной Азии: П.К. Козлов и Р.Ч. Эндрюс / Т.И. Юсупова // Санкт-Петербург – Соединенные Штаты Америки: 200 лет российско-американских дипломатических отношений / Отв. ред. Е.Н. Кальшиков. – СПб.: Европейский Дом, 2009. – С. 237–250.
19. Юсупова Т.И. Изучение Монголии в Российской академии наук: Монгольская комиссия (1927–1953) / Т.И. Юсупова // Россия–Монголия: история, современность, перспективы сотрудничества. Материалы международной научно-практической конференции. – Улан-Батор, 2009. – С. 109–113.
20. Yusupova T.I. National and nationalistic in the motives for Russian expeditions to the Central Asia / T.I. Yusupova // Third International Conference of the European Society for the History of Science, Austrian Academy of Science. – Vienna, 2009. – P. 620–624.
21. Юсупова Т.И. [Рец.:] Е.В. Бойкова. Библиография отечественных работ по монголоведению: 1946–2000 гг. / Т.И. Юсупова // Письменные памятники Востока. – 2007. – № 3 (7). – С. 305–308.
22. Юсупова Т.И. Установление научного сотрудничества между Российской академией наук и Ученым комитетом Монголии (1920-е гг.) / Т.И. Юсупова // Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию, 2007. – СПб.: Наука, 2008. – С. 103–115.
23. Юсупова Т.И. П.С. Паллас и его роль в развитии монголоведения в России / Т.И. Юсупова // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XXII. Тезисы XXVII годичной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники (21–24 ноября 2006 г.). – СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2006. – С. 101–102.
24. Yusupova T.I. The features and the tendencies of scientific cooperation between Russia and Mongolia / T.I. Yusupova // Proceedings of the 10th International Congress of Mongolists. Vol. 4. Mongolia's External Relation and Diplomacy. – Ulaanbaatar, 2013. – P. 144–145.
25. Юсупова Т.И. Российско-монгольское сотрудничество в период Великой Отечественной войны / Т.И. Юсупова // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XXI. Тезисы XXVI годичной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники (21–25 ноября 2005 г.). – СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2005. – С. 76–77.
26. Yusupova T. On P.K. Kozlov contribution to Mongolian studies: certain facts and certain doubts / T. Yusupova // Mongolica (An International Annual of Mongol Studies). – 2004. – Vol. 15 (36). – P. 366–371.

27. Юсупова Т.И. Социально-политические и научные факторы создания Монгольской комиссии АН СССР / Т.И. Юсупова // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2003. – М.: Диполь-Т, 2003. – С. 90–98.
28. Юсупова Т.И. Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова 1923–1926 гг. и ее вклад в советско-монгольское научное сотрудничество / Т.И. Юсупова // Россия и Монголия в свете диалога цивилизаций. Материалы Международной конференции. Звенигород. 2–5 июня 2001 г. – М.: ИВ РАН, 2002. – С. 233–239.
29. Юсупова Т.И. Институт по изучению Монголии: наука и политика / Т.И. Юсупова // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2001 / Отв. ред. В.М. Орел. – М.: Диполь-Т, 2001. – С. 212–215.
30. Юсупова Т.И. Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова 1923–1926 гг. и начало советских научных инициатив в Монголии / Т.И. Юсупова // International Symposium on “Dialogue among Civilizations: Interaction between Nomadic and Other Cultures of Central Asia”. Ulaanbaatar, Mongolia, August 15–16, 2001. – Ulaanbaatar, 2001. – P. 456–459.
31. Юсупова Т.И. Российские экспедиции в Монголии: от маршрутной рекогносцировки к стационарным исследованиям / Т.И. Юсупова // Наука и техника: вопросы истории и теории. Тезисы XX годичной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники (СПб, 22–25 ноября 1999 г.). Вып. XV. – СПб.: СПбФ ИИЕТ, 1999. – С.157–158.
32. Юсупова Т.И. Экспедиция П.К. Козлова 1923–1926 гг. и ее вклад в становление Ученого комитета Монголии / Т.И. Юсупова // Петербургская Академия наук в истории академий мира: материалы Международной конференции / Отв. ред. Э.А. Тропп. Т. III. – СПб.: СПбНЦ РАН, 1999. – С. 27–32.